

Анатолий Лившиц
Опасные выражи

Сборник повестей

Анатолий Яковлевич Лившиц

Опасные виражи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=15068483

ISBN 9785447420017

Аннотация

В третий сборник казанского автора, пишущего в жанре мелодрамы, вошли шесть повестей, действие которых происходят на территории Англии и Франции. Персонажи этих остросюжетных и динамичных повестей, читающихся на одном дыхании, мыслят неординарно, совершают непредсказуемые поступки, вызванные необычными снами, таинственными видениями и неведомыми, но властными голосами, раздающимися из ниоткуда.

Содержание

Опасные выражи	5
Восхождение на трон	8
1	8
2	14
3	25
4	30
5	39
6	59
7	68
8	82
9	102
10	120
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Опасные выражи
Сборник повестей
Анатолий
Яковлевич Лившиц

© Анатолий Яковлевич Лившиц, 2015

© Виктор Федорович Вирт, дизайн обложки, 2015

Редактор Евгения Викторовна Рамбл

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Опасные виражи

В третий сборник казанского автора, пишущего в жанре мелодрамы, вошли шесть повестей, действие которых происходят на территории Англии и Франции. Персонажи этих остросюжетных и динамичных повестей, читающихся на одном дыхании, мыслят неординарно, совершают непредсказуемые поступки, вызванные необычными снами, таинственными видениями и неведомыми, но властными голосами, раздавшимися из ниоткуда. В этих повестях есть редкие, но запоминающиеся эротические эпизоды и не поддающиеся логичному объяснению мистические моменты, которые уводят за пределы реальности, где отсутствуют логика и здравый смысл. Это делает повести захватывающими, увлекательными и извилисто неожиданными, подобно тропинками в многоходовом лабиринте, и придаёт им некий то светлый, а то, иногда, и тёмный сверхъестественный оттенок.

Эти своеобразные повести рассчитаны на тех читателей, которые любят острые ощущения и внезапные повороты судьбы, на которых можно встретить как опасную, возникшую неожиданно, угрозу смерти, так романтическую любовь, уводящую из обычной реальности в необычный мир грёз и фантазий. Герои этих оригинальных повестей ходят по острию ножа и нередко расплачиваются своими жизнями как проявленное ими любопытство, так и за свои непредска-

зубные поступки, на которых их побуждают высшие силы.

В этом сборнике, как и в первом, есть истинно верующие, которые держаться особняком, изучают Библию и, имея только самое необходимое, получают иногда от Бога откровения, поддерживающие их дух, есть религиозные особы, умеющие красиво проповедовать библейские слова, но не верящие в них, и есть мирские, ищущие плотских удовольствий. Их пути смешаны, что придаёт содержанию своеобразный колорит и делает его драматичным. Надеюсь, что этот сборник вызовет интерес у тех, кто любит внезапные ситуации и на крыльях детской мечты улетает в свой собственный выдуманный мир, навеянный цветными снами и рисунками мистического воображения.

Девушка-странница —
Божья избранница
По выющемуся лентой шоссе
Идёт, напевая
О розах из рая,
Растущих в цветной полосе.
В дома заходя, говорит она странно
О том, что на небе живёт постоянно
Духом своим, по земле только бродит
И тело своё по местам разным носит.
Словно обузу, с которым готова,
В любую минуту расстаться без слова.
Жители домиков думают: «Странная,
Чудаковая, неординарная,

Нищая духом, зато так свободна,
Что денег не просит и ест отрешённо.
Но, тем не менее, её принимают, как божью вестницу,
и угощают
Водой и едой и в котомку кладут
Деньги за тихий молитвенный труд.
Она не надеется только на Бога,
Поёт для Него и без всякого долга,
Или ответственности перед людьми,
Словами играя, как песнями рая.
Их превращает в весёлые дни.
А ночью блаженно она отдыхает —
Под деревом спит или с Богом вступает
В необъяснимый чудной диалог,
Ей только понятный, такой благодатный,
Что в ней появляется звёздный цветок.

14, 15 декабря 2013 г.

Восхождение на трон

1

Он не знал, откуда он появился, но отчётливо помнил то место, где он находился до своего появления в земном пространстве. В том удобном месте ему было тепло, спокойно и безопасно и он, чувствуя полное умиротворение, не имел никакого желания шевелиться. Как будто он был в тёплой, как парное молоко воде и, неподвижно смотря в одну точку, ощущал абсолютный покой. И вдруг он этого покоя лишился. Почувствовав внезапный толчок, он отделился от этого бесподобного места, как пробка от откупоренной бутылки, и издал свой первый громкий крик, выражающий шумный протест против своего появления в этом мире. Открыв глаза, он увидел пространство, заставленное какими-то непонятными предметами. Позже он узнал, что эти предметы называются кроватями, что на них имеются такие вещи как подушки, что те и другие предназначены для отдыха и спокойного сна.

А пока он лежал под серым потолком и, ничего не понимая, смотрел на двуногих существ в белых халатах, ходивших между кроватями и раздававших что-то таким же двуногим существам, лежавшим на кроватях. Позже он узнал,

что эти двуногие существа называются женщинами или представительницами прекрасного пола с той лишь разницей, что носящие белые халаты называются ещё и медсестрами, а лежавшие на кроватях без них – пациентки. Ещё он узнал, что медсестры раздают пациенткам таблетки, имеющие белый как снег вид. На пациентках вместо белых халатов были платья или юбки, как и на его матери, вытолкнувшей его в пространство этого мира и ушедшей в другое пространство во время этого выталкивания. На ней было тёмное платье, и лежала она в отдалённом месте, с тем же неподвижным видом, какой был у него, когда он находился в удивительном месте и ощущал совершенный покой.

– Умерла? Лора умерла? – этот вопрос, заданный субъектом мужского вида женщине в белом халате, оказался первым, что он услышал. Он совершенно не понял этого, но по расстроенному выражению лица женщины догадался, что она не в состоянии утешить того, кто задал ей этот вопрос.

– Ваша жена умерла от сильного кровотечения, мистер Сандлин, – снова услышал он непонятные слова и на этот раз увидел огорчённое лицо мужчины в белом смокинге. – Это был непредвиденный случай и от её внезапной кончины доктор впал в шок, правда, этот шок был недолгим. Через несколько минут он пришёл в себя, но был в таком замешательстве, что вышел из кабинета в полной растерянности. Последовала короткая пауза, а когда она закончилась,

медсестра выразила сожаление по поводу того, что мистер Сандлин больше не сможет увидеть свою жену живой.

– Зато, – она с большим усилием улыбнулась. – Зато вы можете увидеть живым вот этого малыша, – она подошла к кровати, на которой лежал он, и погладила его по головке. – Он очарователен, не так ли? К сожалению, у меня нет детей, и я бы с удовольствием заимела такого как он.

В следующую минуту она взяла его на руки и отдала субъекту, лицо которого помрачнело от горя. Опечаленный неожиданной смертью жены, Томас Сандлин с тоской подумал, что ему придётся воспитывать ребёнка одному и что на нём лежит ответственность за его будущее.

– Это ваш сын, мистер Сандлин, – опять услышал он непонятные слова медсестры. – Ваша жена умерла во время родов, но ваш сын будет жить. Я чувствую, что он будет жить долго и счастливо. Его ждёт большое будущее, мистер Сандлин.

– Что побуждает вас так думать? – вторглись в его слух слова субъекта, у которого он был на руках.

– Моё предчувствие, мистер Сандлин. Мне кажется, что ваш сын будет выдающейся личностью. Может быть, о нём узнает весь мир. Вы можете не верить, но моё предчувствие меня не обманывает. Вашего сына ждёт мировая слава и властное величие.

Не поверив ей, но почему-то запомнив её слова, Томас с ребёнком в руках, охваченный глубокой печалью, пошёл

из роддома домой. Мысль о смерти Лоры не укладывалась в его разуме, и ребёнок казался ношей, которую не хотелось нести. Тем не менее, придя в свою ставшую пустой квартиру, он положил ребёнка в детскую кроватку, специально купленную за месяц до его рождения. Эту кроватку, специально купила Лора, и от мысли о том, что он больше никогда не увидит её, ему стало так тоскливо, что захотелось выть волком. Он любил Лору больше жизни, жил для неё, и по её просьбе сделал ей ребёнка. И вот теперь её нет! Теперь она мертва, а этот ребёнок будет жить! Чёрт возьми, почему не наоборот? Было бы гораздо лучше, если бы умер ребёнок. Тогда бы Лора была бы жива. Она была бы сейчас с ним рядом, а ребёнок лежал бы бездыханным на кровати в роддоме. Ребёнок стал причиной её смерти. Теперь с ним рядом он, а не она. На кровати в роддоме осталась неподвижной она, а он лежит в детской кроватке у него дома. Теперь о нём надо заботиться, воспитывать и нести за него ответственность. Теперь он – отец, а этот малыш – его сын. Это частица его плоти и крови, и он должен беречь его как зеницу ока! А Лору он должен проводить на кладбище и опустить в холодную могилу. Как это печально и несправедливо, чёрт возьми!

Томас подошёл к кроватке и равнодушно посмотрел на своего отпрыска. В его памяти вновь зазвучали слова медсестры о том, что его малыш очарователен. Сейчас они показались ему нелепыми. Что может быть очаровательного в родившемся младенце? Он похож на небольшой кусок мя-

са, имеющий образ ребёнка, в котором существует человеческие признаки. У него нет волос, черты его только начали формироваться, сам он не представляет собой ничего, кроме живого маленького тела, способного издавать шумные звуки. В этом естественном, появившемся несколько часов назад существе нет ничего очаровательного. Что медсестра сказала о его будущем? Что его ждёт мировая слава и властное величие? Какой вздор! Откуда это она взяла? Этого не может быть, потому что он имел неосторожность появиться в обычной семье лондонских служащих. Его мать работала секретарём в коммерческой фирме, отец – директор музея изобразительных искусств, поэтому на большое будущее ему нечего рассчитывать. В лучшем случае он может получить высшее образование и работу по специальности, но о большем нечего и думать. Эта медсестра не цыганка и её предчувствие не имеет никакого значения.

Ребёнок тихо спал в кроватке. Он лежал на спине. Его маленькие ручки были вытянуты, ладошки – открытыми, безволосая головка мирно покоилась на подушке. Этому крохотному существу нужно было дать имя, и Томас, немного подумав, решил назвать его Филиусом. Лора хотела назвать родившуюся девочку Клаудией, а мальчика – Филиусом. Вспомнив её желание, Томас захотел его осуществить. Назвав вслух малыша Филиусом, он мысленно пожелал ему долгой и счастливой жизни.

Не желая его будить, Томас наклонился и ласково погла-

дил малыша по голове. Погладив, он убрал руку и захотел выпрямиться, но что-то побудило его остаться в склоненной позе. Этим что-то оказался знак, который он неожиданно увидела на его головке. В том месте, где должны расти волосы, была изображена маленькая шестёрка. Это внезапное открытие привело Томаса в замешательство. Не понимая, что это означает, он с недоумением перевёл взгляд на открытые ладони и с удивлением увидел на них две маленькие шестёрки. Одна шестёрка была на левой ладони, другая – на правой. Одна шестёрка на головке и две на ладонях создавали число, которое было ему хорошо знакомо. Томаса охватил шок. Он был неверующим, и мысленно часто смеялся над Библией, считая библейские истории выдуманными мифами, а Книгу Откровений Иоанна Богослова называл бредом сумасшедшего. Ему казалось странным, что она вообще опубликована. И вот это дьявольское число, упоминавшееся в этой книге, оказалось на его сыне. Одна шестёрка на голове, две другие на ладонях создавали число 666. Это было настолько невероятно, что не поддавалось осмыслению. Теперь Библия смеялась над ним, и его неверующий разум, обладающий логичными мыслями, был повергнут в прах.

2

К счастью, шок Томаса, вызванный этим зловещим открытием, оказался недолгим. Увидев три шестёрки, он сначала не поверил собственным глазам, потом взглянул ещё раз и, убедившись в их реальности, не знал о чём думать. В полном недоумении он начал взволнованно ходить по комнате и, пытаясь собраться с мыслями, перемещался по ней до тех пор, пока в рассудок не залетела спасительная мысль о том, что надо успокоиться. Эта мысль побудила его остановиться и, немного успокоив, посмотреть в окно.

Сгустившиеся за окном сумерки безмолвно сообщили ему о том, что наступили сумерки его жизни. Внезапная смерть Лоры и неожиданно обнаруженные три шестёрки на коже собственного сына, сопровождавшиеся ужасными мыслями о клейме дьявола, поставили вопрос о том, как жить дальше. Как на него ответить, он не знал. Смотря на сгустившиеся сумерки, он некоторое время размышлял о том, что предпринять и решил, в конце концов, во всём положиться на судьбу. Эта непредсказуемая спутница жизни уже нанесла два страшных и неожиданных удара, что будет, если она нанесёт третий? Надо быть готовым ко всему и относиться к случившемуся с олимпийским спокойствием, которое состоит из умения философски смотреть на всё окружающее, в том числе и на себя, со стороны, и выдерживать

все удары с хладнокровным терпением стоика. Сначала надо выдержать похороны Лоры. Для этого требуется думать не о том, что Лора умерла, а о том, что в жизни не обойтись без потерь, и о том, что потеря близкого человека, какой бы чувствительной она не была, является причиной для выработки мужества и терпения, необходимых для дальнейшего преодоления жизненных препятствий. Потом надо выдержать жизнь с собственным сыном, который является живым воплощением антихриста. Для этого необходимо забыть или выбросить из головы мысль об имеющихся на его коже зловещих шестёрках, и представить, что он обычный мальчик, рождённый для того, чтобы вырасти, познать, насколько это возможно, самого себя и окружающий мир, получить своё место под солнцем и находиться на нём до тех пор, пока не придёт срок его покинуть. Для этого надо жить не разумом, а воображением, ибо представлять, что он – обыкновенный мальчик, обладающий заложенными в нём с рождения обычными инстинктами и страстями очень трудно и сложно, поскольку разум никуда не денется, и будет постоянно посылать мысли об имеющихся на его коже шестёрках. Бороться против собственного разума невозможно. Вернее, бороться можно, но невозможно победить. Томас знал, что заниматься постоянно медитацией у него нет возможности, да и вряд ли он способен на целый день входить в транс для того, чтобы убежать от гнёта ненавистной реальности. Он не йог и не буддист, и у него, к сожалению, нет дара отрешённости. Что же

в таком случае делать? Видимо, придётся смириться с тем, что есть и терпеть до тех пор, пока как струна, не лопнет и не кончится терпение. Если оно не лопнет, то кончится обязательно тогда, когда кончится сама жизнь, после чего можно будет свободно вздохнуть и расстаться с ней без сожалений. А пока надо терпеть и относиться к наступившим сумеркам как к погасшим лучам солнца, закат которого невозможно предотвратить.

«Чему быть, того не миновать», – с тоской подумал Томас и, занавесив окно, посмотрел на часы. Было уже семь, и предстояло решить, чем заняться до сна. Ничего не хотелось, без Лоры всё казалось бессмысленным. Мысль о её смерти как ядовитый газ наполняла всю комнату и отравляла воздух. С равнодушным видом он посмотрел на находившиеся в комнате предметы, и они показались ему ненужными. Если раньше стол, окружённый двумя стульями, шкаф, где хранились одежда, полка с рядами книг казались ему необходимыми атрибутами комнатного интерьера, то теперь они, как и сама комната, были не нужны. Даже стоявший в углу телевизор и висевшее на стене радио, служащие средствами сообщения о происходящих в мире событий, тоже были не нужны. Не нужен был и сам мир, который без Лоры стал для него пустынным и чужим. Но этот малыш, тихо спавший в детской кроватке, был нужен. Это был его сын, и он должен заботиться о нём. Медсестра сказала, что его ждут мировая слава и властное величие. Что ж, если три шестёрки, случай-

но обнаруженные на его коже, действительно соответствуют числу зверя, то это вполне может быть. Если в него вселился дух главного посланника сатаны, каковым является антихрист, то вполне возможно, что ему уготовано великое будущее. Может быть, он придёт к власти и станет мировым лидером, на которого президенты других стран будут взирать со страхом и трепетом. Всё это может произойти в далёком будущем, а пока ни красивые обложки разноцветных книг, ни великолепный цветной ковёр с различными рисунками в виде ромашек, вертикальных линий из кружочков, причудливых орнаментов и зелёных листочков, висевший над стоявшей у стены кроватью, совершенно не радуют взгляд. Без Лоры всё кажется пустым и безжизненным. Как будто всё вокруг умерло, а то, что осталось, стало ненужным.

Как он будет жить без Лоры? Как вынесет жизнь с собственным сыном, в которого вселился зловеющий дух посланника князя тьмы?

Встав из-за стола, Томас снова заходил по комнате. На этот раз его вид был задумчивым. Нет, он не выдержит такую жизнь. Он бы выдержал одинокую жизнь, но жизнь с сыном, который стал причиной смерти Лоры и которым полностью овладел посланец из ада, он выдержать не сможет.

Мысли о трёх шестёрках как крупные и надоедливые мухи будут постоянно жужжать в его разуме и ежедневно напоминать, что его сын является живым воплощением духа тьмы. Они лишат покоя сна, будут мешать спокойно думать, гово-

ритель, что-то делать. Он не сможет от них избавиться, они будут съедать его живьём и есть до тех пор, пока он не отдаст концы. Они, словно отравленные стрелы, будут лететь в него отовсюду, как шпионы следить за ним, и днём и ночью напоминать о том, кем является его сын. Они превратят его жизнь в ад, и все свои оставшиеся дни он будет находиться под их гнётом, как попавший в неволю каторжник, он будет вынужден носить их в своём разуме до конца дней своих. Нет, он не хочет мучиться. С какой стати он должен находиться под влиянием одних и тех же ужасных мыслей? Ведь ему только сорок и он не желает ставить на оставшейся жизнь крест.

Необходимо во что бы то ни стало освободиться от них, стереть их навсегда, иначе они будут появляться до тех пор, пока не сведут в могилу или сделают его сумасшедшим. Но как от них отделаться, чёрт бы их побрал!

Остановившись у детской кроватки, Томас бросил злой взгляд на тихо спавшее дитя. Его уже не радовало, что этот ребёнок был его сыном. На нём стояло дьявольское клеймо и мысли о трёх шестёрках застрявшие в его разуме тяжёлыми гириями, мешали ему спокойно думать. Не зная, что делать, чтобы уничтожить эти мысли, он беспомощно развёл руками. Чтобы освободиться от них, можно было убить собственного отпрыска, но эта идея показалась настолько чудовищной, что он тотчас же постарался забыть о ней. Можно было устранить эти шестёрки с помощью химического опыта или хирургической операции, но вторжение науки в об-

ласть сверхъестественного показалось ему нелепой затеей. Не зная, что предпринять, он отчаянно взмахнул рукой, как вдруг его осенило. Детский дом!

Он может отдать его в детский дом! Почему он не догадался об этом раньше!

Эта неожиданная спасительная идея обрадовала его так, что ему захотелось прыгнуть до потолка. Конечно, он отдаст его в детский дом! Пусть его сын растёт и воспитывается под присмотром няnek до тех пор, пока кто-нибудь не усыновит его. Он снимет с себя всякую ответственность за его будущее, поскольку не хочет её иметь. Он желает жить для себя и не хочет заботиться о собственном чаде с дьявольским клеймом. Пусть это сделает кто-нибудь другой. Завтра он отнесёт его в детский дом и навсегда забудет о тех мыслях, которые как жестокие враги дьявольски мучают его сегодня.

Эта идея вдохновила его так, что кроме неё он ни о чём не хотел думать. Не расставаясь с ней ни на минуту, он забыл об ужине, лёг в постель и вскоре заснул с единственным желанием завтра же осуществить задуманное. И, конечно, он хотел, чтобы это завтра наступило как можно скорее. Однако вопреки его желанию, оно наступило очень нескоро, потому что ночь оказалась долгой и тревожной. Всю ночь его мучили кошмарные сны. Сначала ему приснилась зловеще мяукающая чёрная кошка, потом издававшая жуткий вой чёрная собака, затем кошка и собака оказались вместе и он пришёл в ужас, когда услышал мяуканье и вой одновременно.

В середине ночи Томасу приснилась змея, ползущая на вершину горы. Достигнув вершины, она неожиданно превратилась в благопристойного человека, облачённого в чёрный смокинг. «Я твой сын, – внезапно сказал этот человек, обратившись к нему. – Поклонись мне, и я дам тебе всё, что ты пожелаешь». Он властно простёр руку, и внизу напротив горы обозначились различные контуры многочисленных городов и селений, посёлков и деревень. Появились также очертания океанов и морей, рек и озёр. «Это всё принадлежит мне, – самодовольно произнёс он. – Поклонись мне, и я дам тебе всё, что ты попросишь». «Изыди, Сатана, – услышал Томас свой собственный голос. – Своим рождением ты принёс смерть моей Лоре, я ненавижу тебя». В следующий же миг все контуры городов и морей исчезли, и он с невероятным страхом увидел себя летящим с горы в тёмную бездну. Услышав дьявольский хохот оставшегося на вершине собственного сына, он перевернулся с одного бока на другой и проснулся в холодном поту.

С облегчением увидев в комнате свет, Томас понял, что кошмарная ночь прошла.

С намерением убедиться в этом ещё раз, он встал с постели и, подойдя к окну, отдернул штору. За окном, словно дирижёры, радостно играя жизненный гимн, торжественно сияли солнечные лучи. Отвернувшись от окна, он посмотрел на часы и, увидев, что уже восемь, услышал в этот момент громкий детский крик. Подбежав к кровати, он взял ребён-

ка на руки и немного покачал. Ребёнок притих, и он, положив его обратно в кроватку, быстро оделся. Потом он быстро вновь поднял малыша, укутал его и, забыв позавтракать, скорым шагом, отправился с ним, как с ношей, в детский дом.

– Что вам угодно? – спросила женщина, сидевшая за дежурным столиком, когда Томас с взволнованным видом переступил порог детского дома.

– Я хочу отдать этого малыша, – быстро ответил Томас. – Это мой сын и я хочу, чтобы он попал в надёжные руки.

– Вы хотите от него избавиться?

– Нет, что вы, кто вам это сказал? – он растерялся, удивлённый тем, что она отгадала его тайное намерение. – Я был бы негодяем, если бы хотел сделать это.

– Тогда для чего вы принесли его сюда?

– Я уезжаю, – не сразу сказал он, с трудом найдя нужные слова для правдоподобной лжи. – Да, уезжаю и мне не с кем его оставить. Я не знаю, когда приеду, но знаю, что уезжаю надолго и хочу, чтобы во время моего отсутствия мой малыш находился в хорошем месте. Я надеюсь, что ваш дом будет лучшим местом для него.

– А ваша жена? – с любопытством спросила сидевшая за столом женщина. – Разве она не может о нём позаботиться?

– К сожалению, моей жены уже нет в живых, – мрачно сказал Томас. – Родившийся ребёнок стал причиной её смерти. Она родила его вчера и умерла во время родов от сильного

кровотечения.

– Как жаль, – мелодраматично произнесла женщина. – Примите мои соболезнования. Что делать, если рядом с рождением всегда соседствует смерть? Этот мир устроен далеко не лучшим образом и выглядит как красивое яблоко, внутри которого удобно поселился червяк.

– Да, конечно, – быстро кивнул Томас. – Так я могу оставить у вас моего сына?

– Конечно, можете. – Она сострадательно улыбнулась. – Сейчас я позвоню заведующей и введу её в курс дела.

Сказав это, она сразу выполнила своё обещание с помощью стоявшего на столе телефона. Через несколько минут пришла заведующая, и Томасу пришлось повторить всё то, что он говорил не-

сколько минут назад. Она внимательно выслушала его и, выразив сочувствие по поводу смерти его супруги, согласилась принять ребёнка.

– Только, когда вернётесь, сразу же приходите за ним, – строго предупредила она, когда малыш оказался в её руках.

– Обязательно, – пообещал Томас. – В день приезда я немедленно приду за ним.

– Пока вы ещё не уехали, оставьте свои координаты, – попросила регистратор. – Мы должны знать данные тех, кто оставляет нам своих детей.

Из ящика стола она достала специальный журнал, в котором Томасу пришлось написать не только все сведения о се-

бе, включая домашний адрес, но и имя, возраст и пол появившегося на свет малыша. В графе «Имя» он написал Филиус и, расписавшись, поставил сегодняшнее число. После этого он с облегчённым вздохом вернул регистратору, поблагодарив его, она положила этот журнал в ящик стола и он, пообещал прийти за малышом в день своего возвращения, пожелал всех благ ей и заведующей и вежливо попрощался с ними.

Выйдя из детского дома в солнечный день, Томас почувствовал сильное облегчение. Как будто с его плеч свалился камень. Конечно, он не придёт сюда никогда. Разумеется, этого малыша он больше не увидит, потому что он ему не нужен. Он постарается забыть о нём, и навсегда вычеркнуть его из памяти. Этот ребёнок ничего не причинил ему, кроме зла устранив своим рождением обожаемую им Лору. И теперь он ничего не чувствует к нему кроме ненависти. Кроме того, он находится под контролем самого дьявола, так как имеет на своей коже три шестёрки, указывающие на главного посланца князя тьмы. Конечно, с помощью тёмного принца, являющегося властелином мира сего, его отпрыск может стать выдающейся личностью и приобрести мировую славу, сопровождающуюся властным величием, но для Томаса, даже если это произойдёт, его известность не будет иметь никакого значения. Их пути никогда не пересекутся, и встреча с ним не состоится ни в этом мире, ни в том! Он избавился от него, отдав в детский дом, и больше не увидит его нико-

гда!

Теперь мысли о трёх сатанинских шестёрках не должны его беспокоить. Они должны отстать от него, как банные листья, и навсегда исчезнуть из его разума. Теперь он свободен от дьявольского ставленника и может наслаждаться этой свободой до конца жизни. Он может снова полюбить какую-нибудь женщину, и вступить с ней в те отношения, которые приносят многочисленные удовольствия и наслаждение.

Конечно, пока, к сожалению, у него этой женщины нет, но она появится обязательно. Ведь его жизнь ещё не кончена, он чувствует себя хорошо и находится в полном расцвете, и не раз порадуетя спавным золотым денькам!

Погружённый в собственные мысли, словно в большие морские волны, Томас шел, ничего и никого не замечая. В состоянии самопогруженности он вышел за пределы тротуара и, не обратив внимания на дорожный знак, захотел перейти дорогу в запрещённом месте. Выйдя на проезжую часть, он не услышал сигнал несшегося на большой скорости кадиллака. Автомобиль сбил Томаса с ног, и он упал, ударившись головой об асфальт. Этот очередной удар судьбы стал для него роковым.

Падение на асфальт оказалось последним падением, так как подняться он уже не смог.

3

Заведующая детским домом Кэтрин Коулер была любопытной особой. В свободное от работы время она смотрела телевизор, слушала радио и читала газеты. Из этих источников информации она собирала сведения о происходящих в мире событиях и с удовольствием узнавала о разных историях, случающихся с жителями Англии в частности и мира в целом. Эти истории, каким бы простыми они не были, казались ей интересными, и она была уверена, что каждая из них является поучительной, так как содержит зерно ценного человеческого опыта.

В серый осенний вечер Кэтрин возвратилась из детского дома домой и с любопытным желанием узнать о том, что за этот день произошло как в Англии, так и за её пределами, включила телевизор. Усевшись в мягкое кресло, стоявшее напротив показывающего и говорящего ящика, она направила свой целеустремлённый взгляд на сидевшего за столом диктора, сообщавшего о том, что произошло в течение дня в мире вообще, и в Англии в частности.

– Я вынужден с сожалением констатировать о возрастающем количестве несчастных случаев, приводящих к смертным исходам, – в голосе диктора Кэтрин не услышала даже ноты сожаления, о которой он сообщил, и подумала, что ему наплевать как на все жертвы несчастных случаев вместе

взятых, так и на каждую жертву отдельно. – Большинство этих несчастных случаев происходят из-за того, что пешеходы, находящиеся в состоянии отрешённости или самопогруженности, игнорируют окружающий мир и не соблюдают элементарных правил безопасности. Сегодня утром в результате одного из таких случаев погиб директор музея изобразительных искусств Патрик Сандлин. То ли он забыл о правилах дорожного движения, то ли стал жертвой собственной небрежности, но мне с прискорбием приходится говорить, что этот несчастный случай произошёл по его вине. Если бы он не захотел перейти дорогу там, где дорожный знак категорически запрещает делать это, то на него не наехал бы мчавшийся на большой скорости кадиллак. Это трагическое происшествие произошло сегодня утром в северной части Лондона, недалеко от детского дома, расположенного на Солт-Лэйк стрит.

«Патрик Сандлин погиб, – с огорчением подумала Кэтрин, выключив телевизор. – Уж не тот ли это Сандлин, который принёс сегодня утром в детский дом своего малыша? Боже, неужели это он?»

Если это он, то его малыш остался сиротой. Ведь он сказал, что его жена умерла во время родов от сильного кровотечения. Господи, какой кошмар! Теперь этот малыш будет находиться в детском доме постоянно до дня совершеннолетия или до тех пор, пока кто-нибудь его не усыновит. Как он назвал своего малыша? – попыталась вспомнить Кэтрин,

наморщив лоб. – Кажется, Филиусом. Да, Филиусом. Теперь этот Филиус остался несчастной сиротой. Его отец хотел куда-то уехать и вот уехал туда, откуда никогда не приедет. Бедный, несчастный Филиус!

Сокрушённо покачав головой, Кэтрин встала и с мыслью о внезапно осиротевшем мальчике принялась готовить ужин. С этой же мыслью она поужинала и легла спать. Ночью ей приснился Филиус. Красивый мальчик с белыми волосами и голубыми глазами шёл в направлении высокой тёмной горы, а она пыталась его остановить. Она не хотела, чтобы он шёл к этой горе и, запрещая идти, преграждала ему путь, но он каждый раз отталкивал её и шёл вперёд, несмотря ни на что. Наконец, он дошёл до горы и начал подниматься на вершину. Через несколько мгновений она увидела его на вершине. Но это был уже не маленький мальчик, а солидный господин, облачённый в тёмный плащ. Над его головой сияли звёзды, зигзагами сверкали молнии и раздавались громовые раскаты. Над ним темнела ночь, но он, окружённый звёздным сиянием и блеском молний, стоял на горной вершине как князь тьмы, и тёмный плащ, развевающийся на ветру, олицетворял его могущество и власть над непонятными силами природы. Её очарованный взгляд был неподвижно прикован к нему как к Богу, но спустя несколько мгновений она вспомнила, что Бог олицетворяет собой вечный свет, не имеющий никакой тьмы. Этот же тёмный господин представлял собой другую личность, не имеющую ни-

чего общего со светом. Блеск молний и сияние звёзд были ночными атрибутами, и громовые раскаты знаменовали торжество тьмы. Это был не Бог, а воплотившийся в человека дьявол, и тёмный плащ свидетельствовал о его ночном могуществе. Со страхом поняв это, она услышала раскатистый хохот, раздававшийся с горной вершины, и с трепетом открыла глаза. Увидев в комнате свет, она поняла, что наступило утро, и облегчённо вздохнула. С мрачной мыслью об увиденном во сне дьяволе, принявшем вид тёмного господина, она принялась готовить завтрак. С этой же мыслью она позавтракала и отправилась в детский дом, на одной из кроватей которого лежал оставшийся сиротой Филиус.

Войдя в свой кабинет, Кэтрин не перестала думать о Филиусе. Мысль о нём навязчиво вертелась в разуме крупным бильярдным шаром и не давала покоя сердцу. Стремясь от неё избавиться с помощью её реализации, Кэтрин быстро вышла из своего кабинета и, придя в детскую, подошла к кровати, на которой лежал Филиус. Он не спал, а тихо лежал на спине, и его безволосая головка мирно покоилась на подушке. Что-то побудило её наклониться над ним и посмотреть в центр его головного полушария. Увидев там шестёрку, она почувствовала, как что-то побуждает её открыть его ладонки и посмотреть на них. Подчинившись этому побуждению, она с ужасом увидела одну шестёрку на одной ладонке и другую – на другой. Мгновенно вспомнив о шестёрке в том месте, где у него должны расти волосы, она соеди-

нила её с двумя другими шестёрками на ладошках и с выражением панического страха на лице отпрянула от его кровати. Она знала о дьявольском числе и вот теперь, увидев его наяву, пришла в неопиcуемый ужас. Воспоминание о приcнившемся дьяволе пронзило её как молния и, почувствовав внезапную боль в сердце, она покачнулась словно ива под внезапным порывом ветра. Во сне дьявол с видом солидного господина, облачённого в тёмный плащ, стоял на горной вершине, и темневшая над ним ночь сияла звёздами, сверкала молниями, рокотала громом.

Она вспомнила, что прежде чем стать этим господином, дьявол был маленьким мальчиком, шедшим по направлению к горе, и забравшимся на её вершину. Этого мальчика звали Филиусом. И вот теперь этот Филиус лежал перед ней наяву, и на нём было дьявольское число. С искажённым от ужаса лицом она сделала несколько шагов в сторону двери, но дойти до неё не смогла и ещё раз покачнувшись, упала замертво. Услышавшая её громкий крик дежурная няня с испуганным видом подбежала к ней. а лежавший на кровати Филиус в этот момент поднял свои ручки к потолку, и хлопнул в ладоши, словно выражая свою радость по поводу того, что Кэтрин Коулер оказалась жертвой собственной любознательности.

4

Прошло несколько лет. Филиус, росший и воспитывавшийся в детском доме, стал красивым мальчиком со светлыми волосами и голубыми глазами. Все няни были от него в восторге. Они любовались им и считали его очаровательным. Он пользовался их любовью и рос в тёплой атмосфере спокойного благополучия.

Новый заведующий детского дома Фред Симпсон, пришедший на смену внезапно скончавшейся Кэтрин Коулер, тоже проникся к Филиусу симпатией. Быстро освоившись с новой должностью и, познакомившись с дежурным персоналом, он не забыл и о детях. В серое дождливое утро он пришёл в детскую и, пройдясь между кроватями, на которых лежали мальчики девочки, остановился у кровати Филиуса. Этот красивый голубоглазый блондин привлёк его внимание своим задумчивым взглядом и молчаливой сосредоточенностью.

Выделив Филиуса среди остальных, Фред пригласил его в свой кабинет, в котором обстоятельно поговорил с ним. Задав ему вопросы, связанные с установлением личностей его родителей, он услышал односложные ответы и понял, что мальчик отличается немногословностью. Из этих ответов он так и не узнал, кем были его родители, потому что на каждый его вопрос мальчик отвечал «нет», «не знаю» или

вообще молчал. Поняв, что о родителях спрашивать бесполезно, Фред спросил, нравится ли ему жить в детском доме, после чего неожиданно услышал, что слово «жить» более применимо к взрослому, чем к ребёнку, и что спокойная атмосфера детского дома гораздо лучше беспокойной суеты на улицах. С большим удивлением поняв, что Филиус развит не по годам, он спросил, сколько ему лет, и с изумлением услышал, что количество лет не имеет значения, потому что не указывает на возраст не имеющей возраста души. Он подумало том, что Филиус обладает абстрактным мышлением, которое состоит из умения мыслить философски. Посмотрев на Филиуса серьёзно, Фред спросил, что он думает о жизни вообще. Его удивление возросло ещё больше, когда он минутой позже услышал, что жизнь представляет собой шумную шутку природы, которая придумала для смеха тихое и серьёзное молчание в гробу. Решив, что Филиус наделён неординарным даром, Фред увидел в нём интересного собеседника и стал каждую неделю приглашать его в свой кабинет для бесед на философские темы.

В десятый день рождения Филиуса Фред подарил ему приключенческий роман Р. Сабатини и небольшой томик Ф. Ницше. Филиус поблагодарил его и сказал, что философия лучше, чем приключения, потому что рассуждения, не приводящие к действиям, не вызывают беспокойства и не причиняют никакого ущерба. Приключения же состоят из действий, которые не лишены интереса, но хлопотны и утоми-

тельно. Когда Филиус с задумчивым видом вышел из его кабинета Фред подумал, что этот уникам либо станет известным философом и покорит мир своими мудрыми высказываниями, либо уединится от мира и станет отшельником, пойдя по следам многих аскетов, погруженных в себя и разочаровавшихся в мире.

Дни шли за днями, и Филиусу с течением времени стало интересно узнать о том, кто он такой. Вопрос о своих родителях его волновал намного меньше, потому что они не появлялись. Ни мать, ни отец не приходили к нему, и он постепенно пришёл к безутешному выводу, имеющему два грустных варианта. Либо его родители умерли, и их давно нет на свете, либо он им не нужен. Оба этих варианта были очень неприятными, и думать о них не хотелось. Хотелось думать о себе, и на вопрос о собственной персоне, ставший основным, предстояло найти ответ. Простой человеческий ответ на этот непростой вопрос его не смог удовлетворить, так как он чувствовал в себе скрытые пока непроявленные силы и подсознательные мысли периодически напоминали о том, что он представляет собой нечто более значительное, чем обыкновенный человек.

Для того, чтобы найти ответ на этот нелёгкий вопрос, Филиус стал более внимательно прислушиваться к своему внутреннему голосу, зазвучавшему в нём с момента появления сознательных мыслей. Несмотря на то, что именно этот голос подсказал ему ответы на вопросы во время философских бе-

сед с Фредом, он не придавал его звучанию большого значения. Филиус не знал, откуда этот голос появился, и его не интересовало, для чего он звучит.

Однако таинственный голос, заглушая сознательные мысли или вытесняя их, продолжал звучать и, в конце концов, заставил Филиуса обратить на себя внимание. Когда Филиус не сумел найти ответ на трудный вопрос о своём происхождении, он поставил его перед внутренним голосом, однако голос на этот вопрос не ответил, и Филиуса заинтересовало его молчание. Этот голос звучал не всегда, но если звучал, то указывал на то, что должен сделать Филиус в определённый момент времени.

Это были советы или приказы, поизносившиеся то в мягкой, то в жёсткой, но всегда в короткой форме. Приказ звучал строго, совет – мягко, но все фразы всегда звучали оригинально, лаконично и точно. Несмотря на то, что эта оригинальность казалась Филиусу замысловатой, постепенно он научился разгадывать тайный смысл этих парадоксальных фраз и стал придавать им больше значения, чем логическим предложениям, которые возникали сознательным образом. Тем не менее, Филиусу показалось странным, почему внутренний голос не ответил на его главный вопрос.

«Может быть, он ответит позже», – с надеждой подумал Филиус, решив вслушиваться в свой таинственный голос более внимательно.

В один из январских дней, когда цивилизованный мир

праздновал Рождество, директор детского дома с целью улучшения нравственного развития своих подопечных организовал экскурсию в церковь. Утром, начинающие взрослеть дети, вышли в морозный день и отправились со своим директором в собор святого Павла, который возвышался над улицей, расположенной в двух кварталах от детского дома. День был солнечный, идти по хрустящему снегу было легко и приятно. В белом царстве зимы, украшенном высокими и густыми елями, жизнь казалась снежной сказкой, и хотелось, чтобы ей не было конца.

В соборе святого Павла, Филиус почувствовал особую атмосферу благоговейной тишины и благодатного умиротворения. Розовые огоньки свечей, нарисованные на стенах цветные изображения ангелов и херувимов, чадившая лампада – всё это подействовало на его воображение, вызвав мысль о том, что вечный духовный мир, где царят чистота и святость, несовместим с временным материальным миром, где царствуют беспорядок и жажда наживы. Когда его наблюдательный взгляд остановился на высеченной из бронзы гравиюре Иисуса Христа, он подумал, что этот страдалец напрасно взошёл на крест и пролил кровь за грехи вольнодумного человечества. Человечество было, остаётся и будет оставаться вольнодумным, поскольку ему нравится таким быть и ещё больше нравится свои вольные мысли и вольнолюбивые поступки. Поступки же эти, как правило, грешные, потому что связаны с суетой, в которой не миновать греха. И если думать

так, то всю жизнь можно назвать грешной суетой. И зачем только Иисусу понадобилось всходить на крест и проливать кровь! Не является ли его героическое самопожертвование глупым актом, совершенным ради добра, которое неразрывно связано со злом?

– Это твой враг, – неожиданно услышал Филиус внутри себя в тот момент, когда захотел отвести взгляд от бронзовой гравюры Гасителя». – Ты рождён для того, чтобы сохранить в своих руках то, что принадлежит ему.

– Что я должен сохранить? – мысленно спросил Филиус, не сумев отвести взгляд от гравюры.

– И как я могу сохранить то, что я пока не имею, и что мне не принадлежит?

На этот вопрос ответа не последовало, и внутренний голос смолк. Филиус, отведя взгляд от гравюры, задумчиво посмотрел вокруг. Перед ним снова возник вопрос о том, кто он такой. Если его враг – Иисус Христос, то кем должен быть он? Неужели он враг Иисуса Христа? Эта мысль ему очень не понравилась, и он вздрогнул, когда она появилась.

– Ты хотел узнать, кто ты? – спросил внутренний голос, зазвучавший вновь в момент выхода Филиуса из собора. – Найди в Библии тринадцатую главу книги откровений Иоанна богослова и прочитай первые десять стихов. Пять последних стихов содержат ответ на интересующий тебя вопрос.

Внутренний голос снова смолк, и Филиус с растерянным видом переступил порог детского дома. У него не было Биб-

лии, и он не знал, где её достать. Немного подумав, он решил обратиться за советом к Фреду Симпсону и тотчас же отправился в его кабинет. Открыв дверь, он увидел директора за своим столом и своим появлением нарушил его одиночество.

– Хорошо, что ты пришёл, – обрадовался Фред, предложив Филиусу сесть. – Я тут немного заскучал. Скука – невестёлая вещь и, когда не с кем поговорить, становится грустно. Что привело тебя ко мне?

– У меня к вам небольшая просьба, – скромно сказал Филиус. – Не могли бы вы мне подсказать, где достать Библию?

– Библию? – удивлённо переспросил Фред. – Зачем она тебе?

– Посещение собора святого Павла вдохновило меня на знакомство с этой книгой. Я хочу узнать, что она собой представляет.

– Это похвально, Фред одобрительно кивнул. – Я рад, что организованная мной экскурсия вызвала у тебя желание познакомиться с божьим словом.

– Библия – это божье слово?

– Так считают Христиане.

– А как считаете вы?

– Я? – удивился Фред, не ожидавший такого вопроса.

Он встал из-за стола и подошёл к директорской полке, на которой стояло несколько книг. – Я считаю Библию великим учебником нравственности. Если бы все люди со-

блюдали библейские заповеди, то они были бы высоконравственными созданиями и, возненавидев собственные страсти, в том числе и гордость, старались бы не идти у них на поводу. Но людям, к сожалению, нравится быть страстными и гордыми тварями плясать под дудку собственных пороков.

Сказав это, он достал с полки Библию и протянул её Филиусу.

– Это – ваша? – удивился Филиус, взглянув на толстую книгу в твёрдом переплёте.

– Моя, – Фред отошёл от полки и снова сел за стол. – Я могу тебе её дать на некоторое время.

– Ты собираешься читать её всю?

– Я не собираюсь её читать. – Филиус загадочно улыбнулся. – Меня интересует отдельные её фрагменты, изучив которые, я буду иметь представление о ней в целом.

«Почему он говорит так, как будто уже изучил их? – с удивлением подумал Фред, услышав от Филиуса слова благодарности и его обещание вернуть Библию не позднее завтрашнего вечера. – И какие фрагменты его интересуют?» Эти вопросы, оставшиеся без ответа, вызвали у него замешательство, и он с недоумением уставился на неординарного мальчика, вышедшего из его кабинета с книгой, наполненной тайнами и пророчествами, разгадать которые способен далеко не каждый.

Дойдя до своей кровати, Филиус удобно расположился на ней и, открыв книгу откровений, остановил свой взгляд

на тринадцатой главе. «И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца – с интересом прочитал он пятый стих. – И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить имя Его, и жилище Его, и живущих на небе. И дано ему было вести войну со святыми и победить их, и дана ему была власть над всяким коленом, и народом, и языком, и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, имена которых не написаны в книге жизни Агнца, закланного от создания мира».

«О ком здесь написано? – подумал Филиус, прочитав до конца восьмой стих. – Неужели обо мне?» – в его памяти всплыли слова внутреннего голоса, услышанные им в момент выхода из собора святого Павла.

«Да, – подтвердил их вновь неожиданно зазвучавший голос. – Ты станешь тем, о ком здесь написано». «Я? – Филиус в замешательстве побледнел и закрыл Библию. – Наверное, мне будет приятно стать кумиром поклонения многих, но каким образом я им стану?» Этот вопрос остался без ответа, и задумчивое лицо Филиуса приобрело растерянное выражение.

Прошло ещё несколько лет. Филиус стал красивым юношей, от которого стало трудно отвести взгляд. Все молодые воспитанницы детского дома были влюблены в него, однако он не проявлял симпатии ни к одной из них. Его волновали мысли о собственной судьбе и остававшийся без ответа вопрос, как он станет кумиром поклонения многих, не давал ему покоя.

– У меня для тебя сюрприз, – неожиданно сказал Фред Филиусу в день, когда последнему исполнилось пятнадцать. – Можешь считать это моим подарком, но что это за подарок ты узнаешь, если в шесть часов вечера ты придёшь ко мне домой.

– Вы не захотели принести этот подарок в свой кабинет? – спросил Филиус, слегка удивившись.

– Мне надоело беседовать с тобой в кабинете. Пора для разнообразия проводить вечерние беседы дома. К тому же, я живу недалеко от детского дома, так что нетрудно будет меня найти.

Филиусу действительно не пришлось прилагать много усилий для того, чтобы найти седьмой дома на Ковен-три-стрит. Вечером он зашёл во второй подъезд и, добравшись до пятого этажа на лифте, позвонил в тридцать седьмую квартиру.

– Ты точен как штык, – дружелюбно сказал Фред, открыв дверь ровно в шесть. – Проходи, располагайся как тебе удобно и будь как дома, но не забывай, что ты в гостях.

Филиус прошёл в центральную комнату и сел в стоявшее у окна кресло. Посмотрев вокруг, он узнал, что его собеседник обладает красивым жильём. Изысканная обстановка небольшой квартиры, в которой были круглый столик с возвышавшимся ночником, книжный стеллаж с цветными обложками, расставленными по цветам, тумбочка с телефоном, радио и телевизор. И, разумеется, кровать, над которой висела, похожая на бумажную розу, люстра – всё это понравилось Филиусу, и он по достоинству оценил тонкий эстетический вкус её владельца.

– Я живу со вкусом, – сказал Фред, отгадав мысли пришедшего гостя. – Я стараюсь иметь то, что нравится и делать то, что хочется, но это, к сожалению, не всегда удаётся. Жизнь вообще – скучная штука, состоящая, как правило, из одних и тех же мыслей, чувств, слов и поступков, но если войти во вкус сочетания приятного с полезным, то можно забыть о бесполезном и неприятном.

– А в жизни бесполезного и неприятного гораздо больше, не так ли? – спросил Филиус риторически.

– Если смотреть на жизнь с философской точки зрения, то в ней нет ничего полезного и бесполезного. Рано или поздно всё пройдёт, а то, что длится пока, является иллюзией. А если смотреть на неё глазами реалиста, не способного мыслить

абстрактно, то жизнь для него является возможностью реализации своих эгоистичных желаний и амбиций. Один арабский мудрец сказал, что все люди делятся на негодяев и дураков. Если человек живёт для себя и старается приобрести всё, что хочет любым способом, то он – негодяй, если он этого не делает, – то – дурак.

– Философов и творческих особ негодяи считают дураками, не так ли? – спросил Филиус, которому с каждой минутой эта беседа нравилась всё больше. – Ведь они не стремятся ничего приобретать и живут не для себя, а для творчества.

– Творчество, требующее самоотдачи и самовыражения, кажется негодьям бредом идиота, не стремящегося к плотским удовольствиям и равнодушного к материальным благам. Поскольку негодяев гораздо больше, творческие индивиды могут только чувствовать среди них своё одиночество и презирать их.

– Это единственное, что им остаётся, – заметил Филиус, на губах которого появилась ироническая улыбка. – Презрение как способ защиты весьма язвительно. Сравнение негодяя с волком, оскалившим пасть, и их шумную толпу, жаждущую хлеба и зрелищ, со стаяй шакалов, бегущих на стадион, ударяет не в бровь, а в глаз.

– Я хочу защитить тебя от негодяев, потому что ты к ним не относишься, – неожиданно произнёс Фред. – Иначе тебе будет трудно находиться среди них в течение так называемой «взрослой» жизни.

– И к кому же, по-вашему, я отношусь? – спросил Филиус без иронии. – К творческим дуракам?

– К философам-абстракционистам, – уверенно заявил Фред. – Таких мало и таким нечего делать среди конкретных реалистов, представляющих в своём большинстве обывателей и мещан.

– Как же вы намерены меня защитить?

– Удалить тебя от них, – Фред выжидательно посмотрел на Филиуса. – Бегство тоже является способом защиты, не правда ли?

– Вы хотите куда-то меня отправить?

– Пора тебя выводить на большую дорогу. В день своего совершеннолетия тебе придётся выйти из детского дома и обрести профессию. Ты уже решил кем быть?

– Ещё нет, – покачал головой Филиус. – Существует много разных профессий, но мне не нравится ни одна.

– Что же тебе нравится? – Фред устремил на юношу сосредоточенный взгляд.

– Быть собой.

– И всё?

– А разве этого мало?

– Может быть, и много, но без профессии ты не будешь иметь денег, а без денег никому не будешь нужен.

– А я и не стремлюсь быть нужным кому-то. Мне достаточно самого себя.

– Одинокий философ без денег не выживет в этом ми-

ре, – уверено произнёс Фред. – Для того, чтобы быть нужным только себе, нужна свобода, а без денег ты не сможешь её достать.

– Вы хотите помочь мне обрести безденежную свободу? – на губах Филиуса появилась ироническая улыбка.

– Я хочу помочь тебе в выборе профессии, – сказал Фред, выдвинув ящик из-под стола. – Профессия, которую предложу я, позволит тебе быть собой до конца своих дней.

– И какую же профессию вы собираетесь мне предложить?

– Звание священника тебя устроит? – неожиданно спросил Фред, достав из ящика конверт, где лежало письмо, полученное им вчера.

– Пожалуй, – немного подумав, ответил Филиус. – Священник живёт тихо-мирно, никого в себя не пускает и не выходит из себя. На проведение обрядов он затрачивает немного усилий и основное время, в течение которого проходит жизнь, проводит в одиночестве, позволяющем наслаждаться покоем и умиротворением.

– Замечательно! – воскликнул Фред, чуть не хлопнув в ладоши. – Такой ответ достоин аплодисментов. Мне кажется, тебя ждёт большое будущее, и с моей стороны будет большой ошибкой, если я не помогу тебе в него войти.

Фред вскрыл конверт, и через несколько секунд Филиус увидел белый лист, исписанный неровными буквами.

– В тот день, когда ты попросил у меня Библию, я подумал, что ты хочешь стать верующим и выбрать путь нрав-

ственной чистоты. Когда ты вернул Библию со словами, что эта книга тебе многое показала и многому научила, я решил, что ты хочешь стать священником и в тот же день написал письмо знакомой семье, проживающей в Ватикане.

– В Ватикане? – удивлённо переспросил Филиус. – Вы написали обо мне?

– Видишь ли, – сказал Фред не сразу. – Я подумал, что будет неплохо, если эта семья тебя усыновит. У них нет детей, поэтому ты своим появлением можешь их обрадовать.

– Вы хотите отправить меня в Ватикан?

– Хочу, но не знаю, хочешь ли этого ты, – Фред устремил на него серьёзный взгляд. – До дня твоего пятинадцатилетия от них не было ответа, и я думал, что уже не будет, но накануне дня твоего ангела я неожиданно получил от них письмо, в котором они просят тебя приехать. Если ты им понравись, они тебя усыновят.

– Это и есть ваш сюрприз? – спросил Филиус, взглянув на письмо.

– Да, – ответил Фред. – Неожиданно, не так ли? Мне кажется, что если ты согласишься, то займёшь хорошее место под солнцем.

– Солнцу нет дела до тех, кто борется за место под ним, – серьёзно заметил Филиус. – Мне что-то не хочется уезжать отсюда. Здесь я имею кров, пищу, спокойную жизнь. А там – он вопросительно посмотрел на Фреда. – Что я буду иметь там?

– Там ты будешь иметь то же самое, – уверенно заявил Фред. – Эти пожилые люди заменят тебе родителей. Они создадут тебе все условия для спокойной жизни. С их помощью ты поступишь в религиозный колледж, после окончания которого, станешь священником или епископом.

– Почему вы хотите, чтобы я стал церковным служителем?

– Потому что хочу обеспечить тебе спокойную жизнь. По-моему, церковь является самым подходящим местом для такой жизни. Стены храма надёжно защищают от царящих в мире многочисленных соблазнов и мирской суеты, не так ли?

Филиус вспомнил, что несколько минут назад он уже говорил об этом в немного другой форме. Решив не возвращаться к вопросу о своём будущем, он захотел узнать кое-что из прошлого Фреда и спросил:

– А как вы познакомились с этой семьёй?

– Это старая история, – Фред положил письмо обратно в ящик. – Я люблю путешествовать и во время путешествий часто хожу по музеям и историческим местам. Однажды я побывал в Ватикане, где был очарован красотой старинных храмов и церквей. Я с восторгом ходил по широким залам, освещенных огоньками восковых свечей и не мог отвести взгляд от настенных изображений ангелов и херувимов. Мне казалось, что я попал в другой мир, цветной и чудесный, где необычность сочетается с необычайностью. По сравнению с ним наш мир, серый и убогий, где однообразие сочетается

с будничной рутинной, кажется монотонным и примитивным.

– Я спросил вас о семье, – напомнил по-деловому Филиус.

– Я не забыл, – Фред подошёл к окну и задёрнул штору.

За окном зажглись фонари, означавшие наступление вечера. – Уверяю тебя, ты не разочаруешься, когда познакомишься с ними. Это хорошие люди.

– Я не думаю, что вы бы послали меня к плохим.

– Вот и хорошо, – отойдя от окна, Фред предложил своему гостю чай с тортом и, увидев его кивок, отправился на кухню. Через несколько минут он, словно официант, принёс оттуда две чашки чая и шоколадный торт. Во время принятия этого угощения Филиус с интересом узнал о том, что хозяин этой квартиры познакомился с пожилой четой в одной из церквей Ватикана. Они хотели, чтобы Господь послал им ребёнка, и молитвенно просили Его об этом. Сначала молилась жена, потом муж, и эта молитва побудила Фреда подойти к ним и сказать, что Господь не услышит их, а если услышит- то не захочет им сделать то, о чём они просили, то он может выполнить их просьбу. – В то время я был заведующим детского дома в северной части Лондона на Гриффит-стрит, – закончил свой рассказ Фред, отодвинув чашку, в которой минуту назад был чай.

– Разумеется, они сообщили вам свой адрес, – догадался юноша.

– Ты разве забыл, что я написал им письмо? – спросил его визави. – Как же я мог бы его отправить, если бы у меня

не было их адреса?

– И что же вы написали обо мне?

– Я охарактеризовал тебя с самой положительной стороны, – Фред предложил ещё чая, но Филиус отказался. – Я написал, что ты обладаешь определёнными способностями, которые состоят в умении мыслить философски, склонности к молчанию и любовью к самопогружению. Я думаю, что ты станешь для них хорошим сыном и с их помощью будешь тем, кем хочешь быть.

– А с чего вы взяли, что я хочу кем-то быть? – неожиданно спросил Филиус. – если я хочу быть только собой, для чего быть кем-то ещё?

– Быть только собой ты не сможешь, потому что у тебя нет денег. Если бы они у тебя были...

– Дело не в деньгах, – перебил Филиус.

– А в чём же?

– Дело в том, что у меня нет желания быть собой.

– Как это? – Фред посмотрел на него с недоумением. – Ты только что сказал, что хочешь быть только собой.

– Кроме желания быть собой у меня есть желание не быть вообще, и я чувствую, что второе желание гораздо сильнее, чем первое.

– Ты не хочешь жить? – недоумение Фреда сменилось ярко выраженным удивлением.

– У меня нет этого желания, – Филиус задумчиво посмотрел на занавешенное окно. – Когда меня производили, то

не спрашивали, хочу ли я этого. Меня просто вытолкнули в этот мир в виде маленького тела, в котором помещён одушевлённый сгусток энергии, призванный до определённого срока перемещаться во времени и пространстве, и сопровождать это перемещение какими-то словами и поступками. Я отождествляю себя не с телом, а с этим сгустком и не хочу тратить свою энергию на эти перемещения. Я хочу беречь её как зеницу ока до конца своих дней и стараюсь по возможности ничего не делать и говорить лишь по необходимости. Значит, я не хочу жить, но это не значит, что я не хочу быть живым.

– Чего же ты хочешь? – Фред не сводил от своего собеседника изумлённого взгляда.

– Я хочу жить без желаний, – прямолинейно ответил Филиус. – Почему я должен что-то хотеть? Все постоянно чего-то желают, осуществляют желание и гордятся достигнутым или, не добиваясь желаемого, становятся разочарованными и впадают в депрессию. В том и другом случае проявляется беспокойство, которое не является положительным фактором.

– Отсутствие желаний приводит к покою, – Фред с задумчивым видом скрестил руки. – Ты это имеешь в виду?

– Корень всех бед в том, что все носят со своими желаниями как угорелые и хотят их осуществить. Они не понимают, что лучше без всяких желаний терпеть свою жизнь и из всех ситуаций выбирать ту, которая наиболее удобна

и спокойна.

– Что ж, – Фред едва заметно вздохнул. – Если ты хочешь спокойно чувствовать себя живым, то роль священника или епископа предназначена именно для тебя. Тебе просто заказана прямая дорога в Ватикан.

– Вы хорошо позаботились обо мне, и с моей стороны будет неблагодарно не осуществить ваше желание, – медленно произнёс Филиус.

– Ты говоришь так, как будто не имеешь свободы выбора, – заметил Фред. – Если не хочешь ехать туда, можешь остаться здесь. Я помогу тебе с жильём и устрою на такую работу, которая потребует наименьшей траты энергии.

– Вы уже предложили мне роль священника, в которую я попытаюсь войти, – Филиус отвёл взгляд от окна и вздохнул. – Это роль, как вы сказали, меня вполне устраивает, и я надеюсь сыграть её хорошо. Кроме того, я не хочу быть неблагодарным по отношению к вам и не желаю разочаровать ваших знакомых, которые меня ждут.

Через несколько дней после этого разговора Фред купил своему младшему собеседнику, с которым разговаривал с большим удовольствием, билет в Рим.

– Когда доберёшься, дай телеграмму или напиши несколько строк, – попросил Фред, отправившись провожать Филиуса в аэропорт. – Я хочу быть уверенным в том, что с тобой ничего не случилось.

Со мной скоро случится новая жизнь, – произнёс Филиус

таким тоном как будто смена обстановки для него не имела никакого значения. – Не знаю, что она мне принесёт, но надеюсь, что ничего плохого со мной не случится.

Они вышли из такси, которое остановилось возле серого здания аэропорта, расплатившись с водителем, Фред вошёл с Филиусом в просторный зал ожидания. До отправки самолёта оставалось ещё полтора часа. В зале, ожидая своих рейсов в другие города, находились люди. Некоторые из них ходили по залу и, томясь ожиданием, периодически посматривали на электронное табло, на котором появлялось название очередного рейса. Люди убивали время, а время убивало их. Они проводили время за чтением газет и разгадыванием кроссвордов, а время каждым пролетающим мигмом делало их старше и сокращало их жизненные сроки.

– Когда я у вас был, – сказал Филиус, решив предстоящие полтора часа убить разговором. – Я обратил внимание на то, что вы один. У вас нет жены?

– Нет, – ответил Фред, немного удивившись этому внезапному вопросу.

– И детей у вас тоже нет? – Филиуса, задававшего эти вопросы от скуки, совершенно не интересовало то, о чём он спрашивал.

– У меня никогда не было намерения обзаводиться женой и детьми, – голос Фреда прозвучал немного резко, потому что он не очень хотел разговаривать об этом. – Когда ты у меня был, ты разве не обратил внимания на то, что в моей

квартире нет женщины?

– Ваш сюрприз так удивил меня, что я как-то не удосужился обратить на это внимание, – в голосе Филиуса прозвучала самокритичная нота. – И вы никогда не писали брачного заявления?

– Я никогда не переступал порог ЗАГСа, – сказал Фред без сожалений. – Когда я прочитал в одной из юмористических газет о том, что означает это слово, то подумал, что в этом шутовском названии ест зерно истины.

– Что же оно означает? – у Филиуса вдруг пробудился интерес, который вышел из берлоги, словно проснувшийся медведь.

– Запомни адрес гибели своей, – театрально произнёс Фред. – Прочтя это название, я сразу же вспомнил одну из притч Соломона, предупреждающую о том, что горше смерти женщина, и что праведник сбережётся от неё, а грешник будет ею уловлен. Я, конечно, не считаю себя праведником, поскольку неоднократно вступал в кратковременные отношения с женщинами лёгкого поведения, но серьёзного долгого увлечения, называемого любовью, у меня никогда не было, и я даже не ходил в сторону ЗАГСа.

– Значит, вы последовали совету Соломона, – самокритичная нота, прозвучавшая в голосе Филиуса минутой раньше, сменилась нотой презрения к тому, что его окружало. Внезапно он решил сменить тему, как пластинку, и вместо песни Фреда услышать собственную оперную арию. Поду-

мав, что будет слушать её с удовольствием, он после недолгого молчания спросил:

– Надеюсь, вы помните тот день, когда я попросила у вас Библию?

– Да, – Фред не понял, почему Филиус вдруг об этом спросил и удивился.

– У меня тоже есть сюрприз для вас, – загадочно произнёс Филиус, серьёзно посмотрев на Фреда. – Может быть, он вас удивит или даже вызовет шок, но тем не менее я хочу его преподнести, чтобы не чувствовать себя в долгу.

– Какой сюрприз? – удивление Фреда возросло.

– Вы помните тот день, когда я вернул вам Библию?

– Да, – удивление Фреда сменилось растерянностью. – В тот день ты сказал, что Библия тебе многое показала и многому научила.

– Да, – Филиус отвёл от него взгляд. – На самом деле Библия мне многое открыла. Надеюсь, вы слышали о таком понятии как внутренний голос или оно вам незнакомо?

– Я слышал, но не знаю, что он собой представляет, – не сразу и медленно сказал Фред, растерянность которого стала ещё больше. Он не понимал, почему Филиус вдруг заговорил о внутреннем голосе и на вопрос о том, что это такое не нашёл ответа.

– Значит, он в вас не звучит, – сделал вывод Филиус.

– Не хочешь ли ты сказать, что он звучит в тебе? – с замешательством спросил Фред.

– Он – мой самый надёжный друг и советчик, – Филиус, устав смотреть на окружающее, закрыл глаза. – Он звучит во мне с самого раннего детства и порой мне кажется, что я нахожусь в его полном подчинении.

– Мы говорили о Библии, – напомнил раздражённо Фред, подумав о том, почему Филиус закрыл глаза. – Причём тут внутренний голос? Он не имеет к Библии никакого отношения.

– Имеет, – сказал Филиус тихо – он посоветовал мне прочитать тринадцатую главу книги Откровений Иоанна Богослова, и когда я читал пятый, шестой, седьмой и восьмой стих, шепнул о том, что в этих стихах написано обо мне.

– И что там написано? – нетерпеливо спросил Фред, раздражение которого сменилось тихим ужасом, поскольку он начал смутно догадываться, что имел в виду Филиус.

– Там написано, что в последнем времени человеческой истории к власти придёт антихрист, который будет править миром в течение сорока двух месяцев, и что он станет кумиром поклонения многих. По утверждению внутреннего голоса, этим антихристом буду я.

– Что? – Фреду показалось, что он ослышался. – Что ты сказал?

– То, что слышали, – сказал Филиус невозмутимо. – Я антихрист, пока ещё не взошедший на трон. Его глаза продолжали оставаться закрытыми, а в голосе звучало пренебрежение к той роли, которая была ему уготована.

– Не может быть! – потрясённо воскликнул Фред. – Ты не можешь быть антихристом! У тебя философский склад ума и ты далёк от всяких мыслей о власти.

– Вы ведь не случайно захотели отправить меня в Ватикан? – вкрадчиво спросил Филиус, открыв глаза и, быстро взглянув на табло, увидел название своего рейса. – Вы ведь заказали мне прямую дорогу туда, не так ли?

– Началась регистрация билетов на рейс 212-й Лондон-Рим, – прозвучал в зале голос диктора.

– Пассажиров, улетающих этим рейсом, прошу подойти к стойке 37.

Фред не мог сказать ни слова. Пролетевшая отравленной стрелой мысль о том, что он заказал Филиусу дорогу на папский престол, его ужаснула. «Но это невозможно! – подумал он, пытаясь заглушить эту мысль. – Антихрист должен обладать особым знаком. Кроме того, в нём должен быть дух самого князя тьмы, который бы им руководил. А у Филиуса есть только внутренний голос. Этот голос имеют многие, и не может быть, чтобы эти многие были врагами Христа».

– Внутренний голос шепчет мне, что вы думаете об особом знаке, которым должен обладать антихрист, – услышал Фред бесстрастный голос Филиуса. – Он твердит, что у меня есть такой знак, и советует показать его вам. Он не хочет, чтобы вы сомневались в том, что рядом с вами сидит будущий кумир поклонения многих.

«Его внутренний голос прочитал мои мысли, – с нара-

тающим ужасом подумал Фред. – Может быть, это действительно не голос, а дух антихриста? Ведь у посланника дьявола должны быть феноменальные способности, и у Филиуса они есть. Правда, он не может левитировать и творить чудеса, но зато обладает склонностью к долгому молчанию, самопогружению и глобальному осмыслению всего происходящего. Кроме того, в его голосе чувствуется презрение ко всему окружающему.

Таким презрением может обладать только дьявол. Господи, – Фред от страха закрыл глаза. – Неужели мой воспитанник антихрист? О каком знаке он говорил?»

– Мой внутренний голос приказывает вам открыть глаза, чтобы посмотреть на особый знак, которым я отмечен, – пренебрежительный тон Филиуса заставил Фреда вздрогнуть. – Он шепчет, что этот знак находится на двух моих ладонях и под волосами на голове. Если хотите взглянуть, откройте глаза.

Фред не хотел открывать их, но неведомая сила, исходящая от Филиуса, заставила его это сделать.

– Я сам ещё не видел этого знака, – с плохо скрываемым любопытством произнёс Филиус. – Поэтому мне интересно узнать, что он собой представляет. Он открыл свои ладони и, увидев изображённые на них шестёрки, равнодушно показал их Фреду. Посмотрев на них, Фред задрожал как осенний лист, трепещущий на ветру. – Надеюсь, мне не придётся стричь волосы, чтобы показать вам третью шестёрку? Я

не хочу чувствовать себя лысым.

Фред обомлел. Ему показалось, что надменным голосом Филиуса говорит сам дьявол и от ужаса, охватившего всё его существо, не мог пошевелить губами. Он потерял дар речи и только тихо дрожал, словно колеблемый ветром тростник.

– У стойки 37 продолжается регистрация билетов на рейс 212-й, – вновь сообщил диктор. – Пассажиров, улетающих в Рим, прошу не забыть пройти регистрацию.

– Вы дрожите? – насмешливо спросил Филиус. – Дрожите от того, что боитесь меня? Меня пока не надо баяться. Я ведь ещё не стал тем, кем мне суждено стать. Вот когда я взойду на трон, тогда у многих появится страх перед моей персоной, поскольку я смогу вызывать в небе молнию. Я буду править миром сорок два месяца, и потом как враг Христа буду убит духом Его уст. Может быть, затем я упаду в тёмную бездну и буду падать до тех пор, пока не достигну ещё более тёмного дна. Но это печальное событие произойдёт ещё нескоро, а когда произойдёт, я буду относиться к нему так, как будто оно будет происходить не со мной, а с кем-нибудь другим. Моё кредо – полное спокойствие, и совершенное бесстрашие – мой девиз.

«Через него говорит дух самого дьявола, – с трепетом подумал Фред. – Дьявол создан бесстрашным и его главный посланник – антихрист – воплотиться в Филиуса. На это указывают шестёрки на его ладонях и бесстрашный голос, наполненный презрением ко всему окружающему. Господи, спаси

меня и сделай так, чтобы он исчез из моего поля зрения, исчез навсегда!»

– Кто вы такой, чтобы просить Бога сделать так или этак? – на губах Филиуса появилась зловещая улыбка. – Ошибка многих в том, что они снижают Господа до своего суетного уровня и разочаровываются, если не дожидаются от него помощи. Они не учитывают того, что Ему нет никакого дела до них, поскольку он абсолютен, а они относительны. И почему вы так разволновались? – неожиданно спросил Филиус, и его тон стал снисходительным. – Мы с вами – временные существа, а всё временное не стоит того, чтобы из-за него волноваться. Подумайте о том, что моя земная роль, так же как и ваша, не имеют никакого значения, поскольку нам неизбежно придётся с ними расстаться. Нам следует приучаться к этой мысли каждый день, чтобы в момент расставания расстаться с ними без всяких сожалений, не так ли?

– Прочь! – Фред пошатнулся так, как будто его ужалила змея. – Исчезни с глаз моих и из жизни моей! Я тебя не знаю и не хочу знать!

– У 37-й стойки заканчивается регистрация билетов на рейс номер 212 – снова сообщил диктор. – Пассажирам, не прошедшим регистрацию, следует немедленно её пройти.

– Мне пора, – сказал Филиус спокойно. Встав с сиденья, он имел такой вид, как будто ничего не произошло. – Желаю вам здоровья и процветания. Впрочем, мне кажется, что здравствовать и процветать вы будете недолго. Сколько

вам лет?

Фреда объял ужас. В панике отпрянув от Филиуса, он с единственной мыслью, что ему недолго осталось, быстро пошёл к выходу. По сравнению с этой мыслью всё меркло и теряло своё значение. Даже мысль о том, что в Филиусе воплотился дьявольский дух, стала казаться несущественной.

До Филиуса, дьявола и Бога вместе взятых, не стало никакого дела. Слово «недолго» неожиданно стало ассоциироваться со словом «немного» и, в свою очередь, это слово вызвало вопрос о том, сколько, на который не было ответа. Хуже неопределённости может быть только неизлечимая болезнь. Фред вдруг вспомнил, что он давно не обследовался. Решив завтра же пойти на приём к врачу, он внезапно почувствовал нехватку дыхания, сопровождавшуюся острой болью в сердце. В следующую минуту он покачнулся и рухнул на пол, как срубленное дерево, перед входной дверью зала ожидания. Выйти из этого зала он уже не смог. Увидев его падение, Филиус довольно улыбнулся, повернулся спиной и спокойно подошёл к тридцать седьмой стойке. Зарегистрировав билет, он вошёл в кабину и через несколько минут обнаружил себя сидящим в самолёте, летящим в Рим.

Самолёт прилетел в Рим вечером. Находиться в одном и том же месте в сидячем положении три с половиной часа очень не понравилось Филиусу. В красивом салоне он почувствовал себя пленником самолёта: ни вид симпатичной официантки, ни принесённая ей пепси-кола не смогли искоренить это чувство. Сидя у иллюминатора, он периодически смотрел вниз, и мир казался ему огромным цветным лабиринтом, бесчисленные дороги и тропинки которого, петляя в разные стороны, в итоге приводят в одно и то же место, называемое кладбищем.

Когда самолёт, наконец, приземлился, Филиус облегчённо вздохнул и через несколько минут вышел из здания аэропорта. Увидев низкие дома и высокие коробки, которыми была заставлена серая земля, он вспомнил белые как снег облака, проплывавшие по небу, и побудившее его желание стать облаком и плыть неведомо куда. К сожалению, осуществить это чудесное желание было невозможно, однако оно осталось в его памяти надолго.

Добираться в Ватикан пришлось на автобусе. Поездка оказалась долгой и утомительной. Она вызвала у него нудное впечатление. Освещенные вечерними фонарями, дома казались однообразными спичечными коробками, улицы, по которым петлял автобус, были похожи на длинные нити паути-

ны, деревья, стоявшие вдоль улиц, напоминали столбы, белевшие в вечерней темноте. В автобусе было немного пассажиров и, хотя салон был освещен, Филиус чувствовал себя не в своей тарелке.

Любое закрытое помещение казалось ему камерой, где он томился, словно узник в ожидании свободы, которую можно получить только в открытом пространстве.

Когда Филиус с облегчённым вздохом вышел из автобуса, был уже поздний вечер. Улицы Ватикана встретили его пустынной тишиной. Только огоньки фонарей, словно безмолвные друзья, освещая пустые тротуары и дороги, не оставляли его в одиночестве. Осматривать городские достопримечательности было поздно и, к тому же, у него не было такого желания. Однако эти достопримечательности, словно сами просились в руки, так как кроме многочисленных церквей и храмов, украшавших чуть ли не каждую улицу, в городе, ничего не было. Маленькие домики, расположенные позади высоких деревьев, были низкими и почти незаметными. Один на пустой улице, Филиус почувствовал себя путником, идущим из шумного дня в безмолвную ночную даль.

К счастью, дом на улице Пиранделло, в котором жила пожилая чета, попросившая Фреда Симпсона прислать к ним Филиуса, нашёлся быстро. Заметив за одиноким тополем угловой дом с освещенным фонарём двадцать пятым номером, Филиус подошёл к крыльцу и позвонил. Через две минуты

дверь открылась, и он увидел пожилого человека с бледным лицом. Его лицо было грустным, и в тёмных глазах светилась печаль.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Филиус. – Вы сеньор Грациоли?

– Да, – сказал пожилой мужчина с невысоким ростом. – А вы кто?

– Меня послал Фред Симпсон, которому вы написали письмо.

– А, это вы! – на губах хозяина дома появилась гостеприимная улыбка. – Проходите, пожалуйста. Мы вас ждали.

Воспользовавшись приглашением, Филиус оказался в комнате, где, несмотря на позднее время, горел свет. За столом сидела пожилая женщина и читала книгу. Напротив стола стоял серый шкаф, в углу темнел телевизор, на стене белело радио. Кровать, расположенная у стены, была широкой. На подоконнике стояла ваза с цветами и рядом с тумбочки, на которой чернел телефон, была дверь, ведущая в другую комнату.

– У нас гость, – обратился хозяин дома к своей супруге. – Полюбуйся, Джулия. Этого молодого человека прислал наш старый знакомый.

– Добрый вечер, – любезно сказал Филиус.

Закрыв книгу, Джулия повернула голову и посмотрела на молодого гостя. Их взгляды встретились, и Филиус заметил, что, несмотря на пожилой возраст, она сохранила остат-

ки былой красоты.

Её фигура оставалась стройной, на продолговатом лице светились синие, как море, глаза, седые волосы имели кое-где пепельный цвет.

– Вас, кажется, зовут Филиус? – услышал он её голос, прозвучавший спокойно.

Он молча кивнул и посмотрел на стул с намерением опуститься на него.

– Какой ты невежливый, Джакомо! – вновь прозвучал её голос, на этот раз беспокойно. – Почему ты не предложил нашему гостю сесть?

– Я надеялся, что это сделаешь ты, – сказал Джакомо, почувствовав в её голосе упрёк.

– Ты его привёл, и ты должен был сделать это первым, – заявила она уверенно.

– Неужели? – недовольно спросил он. – Ты написала Фреду Симпсону и попросила прислать того, кого он обещал нам прислать много лет назад. Я ни о чём подобном его не просил.

– Может быть, и не просил, но раз приехал тот, кого он прислал, его надо хорошо встретить.

Садитесь, пожалуйста, – обратилась она к Филиусу. – Вы, наверное, устали? Хотите кофе?

– Спасибо, – скромно сказал Филиус, опустившись на стул.

С любопытством наблюдая за их перепалкой, он подумал,

что живут они немирно, и периодически ссорятся друг с другом. Мысль о том, что ему придётся играть роль их сына, не по-

нравилась ему, поскольку лишала его свободы. Он нахмурился, и его лицо приняло недовольное выражение.

– Значит, к нам вас прислал наш старый знакомый, – сказала Джулия, не отводя взгляда от Филиуса. Его внешний вид ей очень понравился, и она пожалела о том, что её молодость прошла. – Я забыла, как его зовут.

– Фред Симпсон, – напомнил ей Джакомо, усевшись напротив неё.

– Ах, да, – она огорчённо взмахнула рукой. – В последнее время я часто стала обо всём забывать. Как он поживает?

– Никак, – загадочно сказал Филиус, на губах которого появилась ироничная улыбка. – И его зовут уже не Фред Симпсон.

– Что вы хотите сказать? – спросил Джакомо с недоумением.

– На что вы намекаете? – с волнением спросила Джулия.

– А вы не догадываетесь? – ироничная улыбка Филиуса стала зловещей. – Если Фред Симпсон уже не является Фредом Симпсоном и никак не поживает, значит – он...

– Умер? – Закончила за него Джулия, лёгкое волнение которой превратилось в тревожный тон.

– Да, – Филиус на мгновение закрыл глаза. – Вчера на моих глазах он ушёл туда, откуда не возвращаются.

– Что вы говорите? – удивился Джакомо. – Как это произошло?

– Сердечный приступ заставил его упасть. Подняться он уже не смог.

– Какая жалость! – Джулия всплеснула руками. – Этот приступ был внезапным?

– На то он и приступ, чтобы быть внезапным, – сказал Джакомо. – Никто его не ждёт.

– Он проводил меня в аэропорт, – сказал Филиус равнодушно. – До рейса оставалось полтора часа, и мы провели их за разговором. Когда заканчивалась регистрация билетов, я увидел, что он у входа в аэропорт неожиданно схватился за сердце, покачнулся и упал.

– Почему вы решили, что он умер? – с надеждой спросила Джулия, – С ним, может быть, просто стало плохо, и он упал в обморок?

– Возможно, это был обморок, но поскольку он не смог подняться, я решил, что он умер, – сказал твёрдо Филиус. – Мои решения, какими бы горестными они ни были, не могут быть неправильными.

– Если он умер, то всё худшее для него позади, – медленно сказал Джакомо. – Он уже переступил ту черту, а нам ещё предстоит это сделать.

– Господи, как страшно об этом думать! – Джулия нетерпеливо взмахнула рукой, словно прогоняя эту неприятную мысль. – Почему он умер, а мы живы? Почему не наоборот?

– Ты бы хотела умереть раньше него? – недовольно спросил Джакомо. – Лучше бы поблагодарила Господа за то, что он не спешит забирать нас отсюда.

– А почему он не спешит? – она серьёзно посмотрела на мужа, потом перевела взгляд на Филиуса. – Наверное, потому что желает, чтобы мы позаботились о вас и обеспечили вам хорошее будущее. Я думаю так, а как вы думаете?

– Я не думаю, что мои мысли имеют какое-нибудь значение, но предполагаю, что всё, что происходит, происходит по божьей воле, и по Его воле я нахожусь у вас, – уверенно промолвил Филиус.

– Воля божья священна и мы обязаны подчиниться ей, – покорно сказал Джакомо. – Мы позаботимся о вас как о собственном сыне и создадим для вас такое будущее, о котором можно только мечтать.

– Вы никогда не думали, что слово «мечта» начинается со слова «меч»? – неожиданно спросил Филиус. – Когда я подумал об этом, то всякая мечта стала казаться мне обречённой на гибель от удара меча.

– Действительно, интересно, – сказал удивлённо Джакомо. – Я об этом и не догадывался. А когда вы подумали об этом?

– Недавно, – Филиус вздохнул. – После этого я решил, что мечтать не стоит и перестал думать о будущем.

– А о чём же вы думаете? – с любопытством спросила Джулия. – О настоящем?

– Думать о настоящем, значит впасть в зависимость от настоящего момента, – изрёк Филиус глубокомысленно, – Нет, я не думаю о настоящем.

– Неужели вы думаете о прошлом? – спросил Джакомо, не отводя от Филиуса удивлённого взгляда.

– Прошлого не существует, – произнёс Филиус. – Зачем думать о том, чего нет?

– Но о чём-то вы всё-таки думаете, – убеждённо сказала Джулия. – Ведь невозможно не думать ни о чём.

– Прошлого нет, будущее не наступило, настоящее прозрачно. Время тает как снег и летит, словно миг, остановить который нет возможности. У меня нет желания думать о быстротечности времени и нести бремя собственных мыслей. Я предпочитаю обходиться без них.

– Но мысли в вашей голове существуют! – убеждённо сказала Джулия. – Они не могут не существовать!

– Я не придаю им значения, – Филиус улыбнулся. – Придавать значения мыслям, словам и поступкам, значит, из жизни, как из мухи раздувать слона. Не придавать значения ничему гораздо легче, жизнь тогда кажется лёгкой как бабочка, перелетающая с цветка на цветок. Но тому, кто не придаёт значения ничему, очень трудно находиться среди тех, кто придаёт значение всему. Ему просто нечего среди них делать.

– Фред писал, что у вас философский склад ума, – вспомнил Джакомо – Ваши рассуждения указывают на то, что это

действительно так.

– Как бы то ни было, моё желание спать сейчас сильнее чего бы то ни было, – в голосе Филиуса прозвучала нота усталости. – Мои глаза закрываются и просят освободить их от мыслей, мешающих им закрываться.

– Вы истинный философ, – воскликнула Джулия. – Я благодарна Господу за то, что он послал вас нам!

– А я буду благодарен вам, если вы покажете мне место, на котором можно уснуть.

– Конечно, покажем, – она посмотрела на мужа и попросила его показать гостю спальню. Через полминуты Филиус оказался в спальне, похожей на маленькую комнату. В ней кроме кровати, аквариума и книжной полки ничего не было. В аквариуме плавали рыбки, на полке стояли книги, на кровати лежали подушки и одеяло.

– К сожалению, более широкого места для сна у нас нет, – сказал Джакомо.

– Я и не претендую на широкое место, – Филиус сел на кровать. – Сон для меня гораздо важнее, чем место и я буду очень рад, если эта кровать подарит мне приятный сон.

Сильно удивлённый неординарной способностью юноши относиться к самому себе и окружающему с философской иронией, Джакомо, пожелав ему приятных снов, вышел из спальни.

В Ватикане для Филиуса началась новая жизнь. От прежней жизни, спокойно протекавшей в одном из детских домов Лондона, она стала отличаться начавшейся учёбой в религиозном колледже, куда он поступил с помощью усыновивших его пожилых супругов. Джакомо и Джулия относились к нему как к собственному сыну и были рады его присутствию в своём доме. Особенно рада была Джулия. В отличие от Джакомо, не очень довольного стремлением Филиуса к свободе, она любила его и старалась во всём ему угодить. Она баловала его как ребёнка конфетами, шоколадом и мороженым, покупала книги, казавшиеся ему интересными, и однажды купила компьютер, потому что он захотел его иметь. Критичным замечаниям Джакомо по поводу баловства она не придавала значения и часто упрекала его за не очень дружелюбное отношение к красивому и умному юноше.

Не желая перемещаться в пространстве и быть зависимым как от времени, так и от внешнего мира, Филиус не хотел учиться, поскольку считал всякий учебный процесс заземлённым фактором.

Он был уверен, что философские рассуждения делают его свободным и, считая себя незаземлённой личностью, хотел остаться таковой до конца своих дней. Необходимость жить

вызывала в его, не повзрослевшей и капризной душе, решительный протест, но желание быть живым, напоминая о себе каждое утро, оказывалось сильнее всего. Он хотел быть живым без всяких примесей, поэтому весь внешний мир, имеющий эти примеси, причём очень многочисленные, вызывал у него раздражение.

Филиус с явной неохотой просыпался, неохотно одевался, умывался, чистил зубы и завтракал, ещё более неохотно отправлялся в колледж, где был вынужден сидеть за партой и слушать лекции, продолжавшиеся до вечера. Учебный процесс, связанный с получением знаний по теологии и церковной этике казался ему засорением мозгов, поэтому он сидел на занятиях со скучающим видом. В момент наступления сумерек занятия заканчивались, он возвращался из колледжа, обедал с приёмными родителями, отвечал на их вопросы о проведённом дне односложными фразами, после чего ложился в постель и закрывал глаза, надеясь с помощью сна или забытья отключиться от реальности и избавиться хотя бы на время от груза надоевших мыслей. Открывал он глаза с большим недовольством и уходил на вечернюю прогулку, во время которой осматривал достопримечательности Ватикана и иногда заходил в музеи и храмы. Конечно, красота католических соборов и старинных церквей производила большое впечатление на туристов, но он оставался равнодушным к ней, поскольку во время прогулок слушал свой внутренний голос, советовавший ему не придавать значения

тому, что видят его глаза. После прогулки он ужинал с Джакомо и Джулией и во время вечерней трапезы очень неохотно разговаривал с ними. Супруги говорили на разные темы и, старались подключить к разговору его, но он отвечал на их вопросы отвлечённо и кратко. Оставшееся до сна время он проводил за чтением какой-нибудь книги или играл за компьютером в интеллектуальные игры.

Несмотря на то, что учебный процесс совершенно не интересовал Филиуса, он хорошо помнил о своей роли и считал, что находится вначале своего пути. Кроме того, его привлекала спокойная жизнь в звании священника или епископа, которая была ему обещана Фредом Симпсоном после окончания колледжа. Он не знал, какие события произойдут в его жизни в дальнейшем, но был уверен, что поселившийся в нём дух антихриста будет управлять им по собственному усмотрению. Это очень нравилось Филиусу, так как снимало с него всякую ответственность, перед кем бы то ни было, и давало возможность не принимать самостоятельных решений.

В колледже Филиус учился превосходно и неизменно получал только самые высокие оценки.

Несмотря на то, что учиться было скучно, он, благодаря своей феноменальной памяти, наизусть цитировал целые теологические абзацы и длинные правила катехизиса. Его усидчивость, сочетавшаяся с большой работоспособностью, сделала его самым лучшим учеником колледжа, и священни-

ки, проводившие религиозные семинары, восхищались им. Его философский склад ума и богатая эрудиция, сочетавшаяся с поразительным умением парадоксально мыслить и лаконично говорить, приводили их в восторг. В день окончания колледжа директор в торжественной обстановке вручил Филиусу почётную грамоту лучшего ученика и, поставив его в пример другим, пожелал ему успехов в восхождении по ступеням высокой церковной лестницы.

Это восхождение началось сразу после окончания колледжа. Получив сан священника в одном из католических соборов Ватикана, Филиус с удовольствием начал думать о приближающейся середине своего пути. Колледж был окончен, звание священника получено. Теперь предстояло утвердиться в своём положении и двигаться по служебной лестнице вплоть до самого высокого титула.

Титул Римского папы привлекал Филиуса и, хотя до него ещё было далеко, он был уверен, что дух антихриста поможет ему его получить. Впрочем, всё это казалось ему игрой, к которой он относился с пренебрежением.

Первый день в должности священника прошёл спокойно. Это день Филиус провёл в соборе.

Облачённый в тёмную сутану, он без больших усилий и суетливой спешки, сидя за столом, выписывал из толстых теологических книг отдельные главы, необходимые для составления церковного учебника по истории католицизма. Эта работа, несмотря на свою нудность, была спокойной,

и это было главным. Служебные обязанности, состоявшие из такого выписывания глав, и ещё из молебна и причастия во время прихода верующих не были обременительными. Тихая и спокойная жизнь, в стенах собора надёжно укрывавшая от беспокойного шума деловой цивилизации, вполне его устраивала, и он бы не отказался провести в этих стенах всю жизнь. Однако впереди его ждали события, которые должны были, с точки зрения обычного реалиста, стать интригующими и значительными на его пути.

Первое такое событие произошло в конце третьей недели его службы в соборе. В воскресенье после обеда, когда Филиус был дома, Джакомо достал из ящика стола небольшой документ и показал его Филиусу.

– Мы завещаем свой дом и свои лежавшие на сберкнижке деньги тебе, – сказала сидевшая рядом Джулия. Мы с Джакомо находимся в опасном возрасте, и с нами всё может случиться, поэтому мы хотим, чтобы ты был уверен в своём безопасном будущем.

– Наш дом имеет красивый вид, наши сбережения нельзя назвать бедными, – сказал Джакомо с гордостью. – После того как мы покинем этот мир, наш дом достанется тебе также как и наши деньги, и ты будешь полным хозяином нашего дома и наших сбережений. Мы очень рады твоим успехам и желаем тебе продвижения по службе и процветания в личной жизни.

– Спасибо, – сказал Филиус, прочитав подписанное нота-

риусом завещание. – Вы пожелали мне всё, что можно пожелать, и я желаю вам спокойной старости и быстрой безболезненной смерти.

– Ты желаешь нам смерти? – удивился Джакомо. – И это после того, что мы для тебя сделали?

– Джакомо! – громко упрекнула его Джулия. – Он желает нам быстрой и безболезненной смерти, и я с полной уверенностью могу сказать, что это очень хорошее пожелание. Он не хочет, чтобы мы мучились от какой-нибудь болезни и умирали долго. Он желает, чтобы это произошло с нами мгновенно и чтобы боль, если она будет, была лёгкой как замыкание тока в цепи. Разве это не прекрасно с его стороны?

– Прекрасно, – недовольно проворчал Джаком. – Его пожелание так прекрасно, что лучшего пожелания не может быть.

– Вы недовольны? – обратился Филиус к Джакомо. – Напрасно! Я пожелал вам самого лучшего из того, что можно пожелать людям вашего возраста. Что было бы с вами, если бы моё пожелание здоровья и долголетия воплотилось бы в жизнь? Вы бы стали ещё более старыми, и более тяжёлая жизнь стала бы казаться вам обузой. Вы сами прекрасно знаете, что здоровье и долголетие в старом возрасте не очень удобны, поскольку очень неудобен сам возраст, который словно негативная мысль постоянно напоминает о том, что жизнь прошла. Думать об этом неприятно, а чтобы не думать и не чувствовать на плечах тяжёлый груз скопившихся лет,

следует благополучно скончаться, не так ли?

– Он желает нам смерти! – протестующе произнёс вставший со стула Джакомо. – Он хочет, чтобы мы умерли оттого, чтобы поскорее завладеть нашим домом и нашими деньгами!

– Джакомо! – снова с упрёком воскликнула Джулия. – Он пожелал нам спокойной старости и совсем не хочет, чтобы мы покинули этот мир в скором времени. Вы же не хотите этого, не так ли?

– Конечно, нет, – спокойно ответил Филиус, совершенно не обратив внимания на её взволнованный тон. – Вы будете жить ровно столько, сколько вам отмерил Бог. Я, конечно, благодарен вам за то многое, что вы для меня сделали, но мне кажется, что вы усыновили меня и помогли мне поступить в религиозный колледж только потому, что это было угодно Богу. И если Бог желает, чтобы я скоро стал наследником вашего дома и ваших денег, то я не могу противиться Его воле. Хотя я могу поменять слово «скоро» на слово «нескоро». Бог может переставить их местами, и ваша старость будет такой долгой, что вы сами захотите от неё избавиться.

– Ты играешь словами так, как будто они не имеют для тебя значения, – заметил сердито Джакомо. – К тому же, ты злой, злой как дьявол!

– Ты не прав, Джакомо! – воскликнула Джулия. – Филиус – очень умный и эрудированный индивид, и мы должны гордиться тем, что он является нашим приёмным сыном. С чего ты взял, что он злой? Он просто мастерски перестав-

ляет слова, словно жонглируя ими, и получает от этого удовольствие. Никакой он не дьявол, а желающий нам добра парадоксально мыслящий юный философ и ему немного скучно в обычной жизни. А в дьявола я вообще не верю. Его не существует, не так ли?

– Вот тут вы не правы, – Филиус обратился к Джулии. – Дьявол существует. И я могу, если хотите, доказать его существование.

– Что? – Джакомо показалось, что он ослышался. – Что ты сказал?

– Я сказал, что дьявол является реально существующей персоной, и я, как главный его посланник, могу доказать, что его дух живёт во мне, – тон Филиуса был холодным и бесстрастным, и говорил он так спокойно, как будто содержание его слов относилось не к нему, а к кому-то другому.

– Ты – его посланник? – Джакомо пристально посмотрел на своего приёмного сына. – Не может быть!

– Почему же не может? – просто спросил Филиус.

– Посланец дьявола может принять человеческий вид и даже выглядеть джентльменом, но он должен иметь какой-то знак, указывающий на своё истинное происхождение.

– У меня есть такой знак, – невозмутимо произнёс Филиус. – Если хотите, я могу показать его вам. У меня этот знак не один, а целых три.

– Что вы говорите? – изумилась Джулия, испуганно посмотрела на обоих мужчин. – Какой знак? У тебя не может

быть никакого знака, не правда ли, Филиус? – на этот раз она обратилась к нему одному. – Ты никакой не посланник, потому что ты не можешь им быть.

– К сожалению, могу и являюсь, – сказал Филиус. – Впрочем, почему к сожалению? Скорее, к счастью, потому что роль антихриста, порученная мне, принесёт мне мировую славу.

– Ты – антихрист? – недоверчиво воскликнул Джакомо. – И у тебя имеются доказательства?

– На каждой моей ладони изображена цифра шесть, а третья шестерка находится на голове под волосами. В аэропорту я показал эти шестёрки Фреду Симпсону и сказал, что третью шестёрку показывать не буду, потому что не желаю чувствовать себя лысым. После того, как он увидел две шестёрки на двух моих ладонях, ему стало плохо, и он умер на моих глазах. Я не хотел этого, но это произошло и мне его искренне жаль. Теперь я думаю, что это случилось по божьей воле и не знаю, стоит ли показывать эти шестёрки вам. Если хотите, я покажу их вам, если не хотите...

– Не надо показывать, – громко крикнул Джакомо, отпрянув в сторону. – Поздравлю, Джулия! Ты хотела иметь сына или дочь, и вот этот приёмщик, которого ты так любила и избаловала как своего собственного, оказался волком в овечьей шкуре!

– Нет, Джакомо, нет же! – от внезапно охватившего её волнения Джулия тоже встала и устремила растерянный взгляд

на Филиуса. – Ты ведь шутишь, не правда ли? Ты никакой не волк, и у тебя нет никаких шестёрок. Таких шестёрок вообще ни у кого нет, потому, что их не может быть.

– Вы снова ошибаетесь, – равнодушно произнёс Филиус. – Эти шестёрки существуют и находятся в непосредственной близости от того места, где вы стоите. Вы даже можете увидеть их. Вот, пожалуйста, – с пренебрежительным видом он протянул свои руки и показал ей открытые ладони. – Третья шестёрка на голове, под волосами, вы сможете увидеть её только в том случае, если сделаете меня лысым. Вы не будете этого делать, не правда ли?

Увидев две шестёрки на его ладонях, Джулия не поверила своим глазам. – Нет! – воскликнула она, внезапно побледнев. – Не может быть!

– Из-за того, что вы не верите тому, что видите, мой знак не перестаёт существовать, – он небрежно опустил руки. – Он останется на моих ладонях и те, кто его увидит, будут внезапно и быстро покидать пределы этого мира, в котором они однажды имели великую неосторожность появиться.

– Убирайся! – гневно крикнул Джакомо. – Я больше не желаю тебя знать!

– Я никуда не уйду, поскольку живущий во мне дух антихриста приказывает мне остаться. Я останусь, и вы не сможете меня прогнать, потому что дух антихриста, управляемый дьяволом, сильнее вас.

– Ох, Джакомо! – Джулия опустилась на кровать и громко

простонала. – Вызови «скорую», Джакомо! Скорее, а не то я умру!

– Боюсь, что «скорая» ей не поможет, – бесстрастно произнёс Филиус. – Ей осталось очень мало времени. Впрочем, можете вызвать, если хотите.

– Замолчи, дьяволёныш! – огрызнулся Джакомо.

– Ох! – снова простонала Джулия и под пронзительным взглядом Филиуса упала на кровать. – Мне плохо, Джакомо! Я умираю!

– Нет, Джулия, нет! – Джакомо ринулся к телефону и, схватив трубку, быстро набрал номер. – Алло, «скорая»! – ещё быстрее проговорил он. – У моей жены сердечный приступ. Пиранделло 12, 3. Приезжайте немедленно.

Бросив трубку, он метнулся к кровати, где с бледным, как мел, лицом лежала Джулия.

– Сейчас, Джулия, – попробовал успокоить её он, склонившись над ней. – Сейчас приедут врачи, и тебе станет легче.

– Сейчас ей станет так легко, что укола не понадобится, – зловеще сказал Филиус, неотступно смотря на Джулию.

– Замолчи, змеёныш! – крикнул со злостью Джакомо. – Если ты ещё что-нибудь скажешь, я убью тебя!

– Боюсь, что сейчас вам придётся снова позвонить и отменить вызов. Скорая помощь ей ничем не сможет помочь.

Заботливо склонившись над женой, Джакомо выпрямился и с суровым видом хотел броситься на Филиуса, но вновь

раздался стон Джулии, помешавший ему забыть об этом намерении. Ему пришлось вновь наклониться над ней.

– Я умираю, Джакомо! – сказала Джулия тихо. – Я уйду туда, откуда не возвращаются. Филиус не хотел, чтобы я умирала долго и мучилась от какой-нибудь тяжёлой болезни. И вот я умираю быстро, но не так безболезненно, как хотелось бы.

– Без боли невозможно покинуть этот мир, – продолжая смотреть на неё, промолвил Филиус.

– Сначала – боль, потом – смерть. Это так просто как дважды два.

Услышанные слова побудили Джакомо снова выпрямиться, и в его сердце гневной волной возникло желание убить Филиуса, но тихий стон Джулии опять заставил его наклониться и с волнением увидеть, что голова его жены откинута на бок. Её глаза закрылись, и она больше не шевелилась.

– Всё, сказал Филиус облегчённо, отведя от неё взгляд. – Её переход туда завершился благополучно.

– Ты убил её! – в страшном горе воскликнул Джакомо. – ты убил её, гад!

– Если мне суждено быть тем, кем вы меня сейчас называли, то я, к сожалению, ничего не могу сделать, чтобы не быть им, – ледяным тоном произнёс Филиус, начав неотрывно смотреть на Джакомо. – Для разнообразия кому-то нужно быть и гадом. Было бы чертовски скучно, если бы на свете жили одни добропорядочные святоши.

Не в силах вынести его холодной рассудительности, граничащей со зловещим сарказмом,

Джакомо, выпрямившись в третий раз, всё же бросился на Филиуса, но тот вовремя отступил и устремил на него пронзительный взгляд.

– Не смотри на меня! – со страхом крикнул Джакомо, попятившись назад. – Не смотри на меня так!

– У меня имеются глаза и мне надо куда-то смотреть, – ядовито сказал Филиус, – Сейчас эти объектом являетесь вы, завтра им будет кто-нибудь другой!

На Джакомо напал великий страх. Забыв о своём желании убить Филиуса, он под влиянием буравившего его взгляда подошёл к телефону и, с ужасом подняв чёрную трубку, снова набрал тот же номер. – Это «скорая»? – глухо спросил он. – Я отменяю вызов. Моя жена больше ни в чём не нуждается. Да, Пиранделло, 12, 3.

– Я же сказал, что вам придётся отменить вызов, – торжественным тоном победителя произнёс Филиус. – Ваша жена сейчас вне пределов досягаемости и ей гораздо лучше, чем нам.

– Что будет со мной – обречённо спросил Джакомо, ослабевшей рукой положив трубку. – Я последую за ней?

– Вы очень догадливы, – сказал зловеще Филиус, не сводя с него взгляда. – Вы были с ней здесь и будете с ней там, поскольку женившиеся на земле, и всю жизнь прожившие вместе не расстаются на небесах. Но сначала я покажу вам мои

шестёрки, так как, не увидев их, вы не сможете отправиться за ней.

Филиус шагнул в сторону Джакомо и, протянув руки вперёд, открыл ладони. Потрясённый Джакомо, увидев одну шестёрку на правой ладони и другую – на левой, с ужасом почувствовал, что силы покидают его. В его сознании поплыл безбрежный туман, тело ослабло, глаза начали слипаться.

Сделав несколько шагов в сторону кровати, он пошатнулся и упал рядом с тем местом, где лежала Джулия. В следующую минуту его сердце остановилось, и глаза закрылись навсегда.

Приблизившись к нему, Филиус довольно улыбнулся и с радостью подумал о доставшемся ему хорошем доме, в котором он теперь являлся полным хозяином, и пятистах тысячах лир, ставших его личным состоянием.

Похороны приёмных родителей, состоявшиеся через два дня, не огорчили Филиуса. Он не любил их и относился к ним как к прочим людям с сожалением, смешанным с долей философской иронии. Он не уважал их, как и прочих, но, не выражая ни в одном случае своего презрения к ним, всё же был им благодарен за проявленную заботу о нём. Поэтому ему было немного жаль расставаться с ними, но эта человеческая радость смешивалась с дьявольской радостью по поводу получения приличного дома и солидного капитала, с полной уверенностью позволявшего смотреть в завтрашний день без всяких волнений.

Джакомо и Джулия не были известными людьми в городе, поэтому на их похоронах было всего десять человек. Среди них были те, кто хорошо знал их по работе и знакомые из соседних домов. Джакомо был директором небольшого продовольственного магазина. Джулия работала товароведом в промтоварном магазине и их жизненная деятельность, состоявшая из серой бытовой прозы, не касалась сферы искусства. Они были равнодушны к музыке, живописи и поэзии, но зато были очень религиозны и каждое воскресенье ходили в католический храм. Там они старательно молились и раз в месяц участвовали в святом причастии, устраиваемое в святом причастии священником, облачённым в тёмную су-

тану. Они также посещали субботные собрания католиков, которые проводил настоятель храма. Они с удовольствием его слушали, проповеди нравились им. Он хорошо знал их, поэтому счёл своим долгом проводить их в последний путь. Когда их холодные трупы опустили в две рядом стоявшие могилы, он, устремив взгляд в небо, попросил Господа воскресить их в последний день, после чего подошёл к стоявшему немного поодаль Филиусу.

– Как получилось, что они оба умерли в один день? – спросил он, задумчиво посмотрев на него.

– Не знаю, – Филиус медленно покачал головой. – Бог дал и Бог взял. Как и для чего он это сделал, мне неизвестно.

Филиус не был знаком с настоятелем храма, однако внутренний голос подсказал ему, что сейчас он беседует с ним. Он не знал, как зовут настоятеля, но услышал от внутреннего голоса, что его Имя – Просперо.

– Теперь вы одна и вам не с кем поговорить, – сказала Просперо с сочувствием. – Одиночество – плодотворная, но трудно переносимая вещь, к нему следует долго привыкать и привыкнуть к нему может далеко не каждый.

– Я всегда и всюду один, поэтому мне не надо привыкать к одиночеству, – сказал Филиус. – Мне легко, потому что у меня нет ответственности ни перед кем. Вот если бы у меня был кто-то, то лёгкость бы исчезла, поскольку пришлось бы искать необходимые фразы для контакта.

– Вы хотите сказать, что вам наедине с собой лучше, чем

с кем-то? – спросил с некоторым удивлением Просперо.

– Гораздо лучше, – Филиус довольно улыбнулся. – В одиночестве я могу думать о чём угодно и делать что угодно. А вот если бы со мной был кто-то, он бы мешал моей свободе.

– Но ведь вы не всегда свободны, – заметил Просперо. – Я слышал, что вы служите в соборе святого Иоанна. Там вы попадаете в зависимость, как от рабочих часов, так и от церковных книг. Эта зависимость действует на вас неприятно, не так ли?

– Конечно, как и всякая зависимость, которая меня, мягко говоря, угнетает, – Филиус выделил последнее слово, как будто оно его раздражало. – Свободы в этом мире нет, но стремление к ней есть во мне и что мне делать, если оно даёт мне знать о себе каждый миг моего существования?

– Маркс говорил, что нельзя жить в обществе и быть свободным от него, – возразил Просперо.

– А мне плевать на то, что говорил Маркс! – горячо сказал Филиус. – Монтень говорил совершенно противоположное. Он сказал, что учиться жить – это значит учиться философствовать, учиться философствовать – значит учиться умирать, учиться умирать – значит быть свободным. Высказывание Монтеня мне нравится гораздо больше, чем старика Маркса.

– Несомненно, – сказал Просперо. Вспомнив слова Джакомо о том, что Филиус наделён философским скла-

дом ума. – Стремление к абсолютной свободе прекрасно, но недостижимо. Человека, стремящегося к ней, к сожалению, считают, мягко говоря, ненормальным.

– И, жёстко говоря, сумасшедшим или безумным, – дополнил его предложение Филиус. – Что ж, если общество, существующее в моём поле зрения только в тех случаях, когда глаза мои открыты, считает меня таковым, то пусть считает. Мне нет дела ни до него, ни до его мнения обо мне. Общество – плод моего воображения, как и весь мир, в котором я имею великую неосторожность находиться. Моё стремление к свободе – это часть меня, и я ни за что не променяю её ни на мирские плотские удовольствия, ни на общественные блага в виде карьеры и роста материальных благ.

С удивлением подумав о том, что с таким оригиналом, стремящимся всегда и во всём быть свободным, он столкнулся впервые, Просперо растерялся. Он не знал, что сказать.

– Не иметь никаких привычек, это плохо, но это лучше, чем иметь их, – произнёс Филиус с лёгкой улыбкой. – Плохо быть зависимым от чего-либо, и замечательно быть свободным от всего.

– Я вам уже говорил, что быть свободным от всего невозможно, – напомнил Просперо. – Можно, конечно, сохранять внутреннюю свободу, но, во-первых, это даётся с великим трудом, во-вторых, приводит к ошибкам и небрежности во внешних действиях, и, в-третьих, человек всё равно остаётся внешне зависимым существом, вынужденным каждый

день думать об одном и том же, говорить одно и то же, и совершать одни и те же поступки.

– В том-то и горе! – огорчённо воскликнул Филиус. – Человек не может освободиться от темницы собственного тела, в которую он заключён на определённый срок как в одиночную камеру. Никакая мораль никакого общества не могут спасти его от этого заключения, в котором он вынужден томиться до конца своих дней. Но лучше быть одиноким и никого в себя не пускать, чем открывать своё сердце кому попало, и идти у кого-то на поводу.

– Ваши приёмные родители не были для вас кем попало, – промолвил Просперо, решив немного сменить тему. – Они у вас заботились и любили как собственного сына.

– Это не совсем так, – сказал Филиус, когда они вышли за пределы кладбища. – Джакомо не любил меня, – он немного помолчал. – А вот Джулия... она не только любила, но и баловала меня.

– Нелегко потерять того, кто любит тебя, – со вздохом сказал Просперо. – Я бы даже сказал – тяжело...

– А ещё тяжело потерять того, кого любишь ты, – заметил Филиус. – Поскольку я не любил ни Джулию, ни, тем более, Джакомо, то нельзя сказать, что я испытал горе, потеряв их.

– Не испытали горя? – удивился Просперо. – Что же вы испытали?

– Ничего, – на губах Филиуса промелькнула короткая улыбка. – У меня появилось впечатление невозвращения.

Как будто они ушли из дома и не вернулись.

– Вы говорите так, как будто вам легче от того, что они не вернуться.

– А почему мне от этого должно быть тяжело? – Филиус пристально взглянул на настоятеля и под его взглядом тот смутился. – Вот если бы я любил их, то было бы скверно. А без любви мне легко и свободно.

– Ну, знаете ли, – Просперо от усилившейся растерянности не знал, что сказать. Неожиданно к нему в голову пришла идея пригласить Филиуса в гости и познакомить его со своей неофициальной женой и дочерью Клаудией, которая была уже молодой девушкой, не имеющей кавалера. Он не знал, откуда эта идея появилась, но она показалась ему оригинальной, и он захотел её осуществить.

– С вами очень интересно беседовать, – сказал он после некоторого молчания. – Что бы вы сказали, если бы я пригласил вас в свой дом на чашку чая, мы бы поговорили более подробно и во время беседы вы бы забыли о том, что вы один. Помнить об этом всё время тяжело, не так ли?

– Я не помню об этом всё время, – сказал Филиус небрежно. – Одиночество – моё естественное состояние и я даже не думаю, что я один. А вот вашим приглашением я воспользуюсь обязательно, хотя бы для того, чтобы сменить обстановку. Кроме того, разговор с вами, может быть, вызовет во мне какие-то новые ассоциации и образы, которые пока, к сожалению, мне неведомы.

Запомнив адрес Просперо, Филиус попрощался с ним и, облегчённо вздохнув, отправился в свой дом, дверь которого открыл с чувством единственного хозяина. Теперь этот дом полностью принадлежал ему, и в его распоряжении было пятьсот тысяч лир. Он был обеспечен не очень интересной, но спокойной работой и мог быть доволен как человек, имеющий всё, что нужно иметь для счастья. С реалистической точки зрения, которая имеется у рядового обывателя или зажиточного мещанина, для счастливой полноты Филиусу не хватало только любимой жены и детей и, если бы он был простым смертным, то немедленно приложил бы усилия, чтобы обзавестись тем и другим. Но этот обыкновенный удел вовсе не устраивал Филиуса, так как он не являлся человеком в обычном понимании этого слова. Живущий в нём дух антихриста постоянно напоминал о себе и призывал следовать по пути восхождения на трон римского папы.

Через несколько дней Филиус, вспомнив своё обещание, решил воплотить его в жизнь. Просперо жил в другой части города, и Филиусу пришлось полчаса поскучать в автобусе и, выйдя из салона, ещё минут двадцать пройти по длинным и извилистым улочкам, чтобы добраться до серого дома, в котором жил Просперо. К счастью, хозяин оказался дома и, увидев Филиуса, выразил свою радость по поводу его прихода любезными словами приветствия.

– Как вы добрались? – озабоченно спросил он, предложив гостю сесть. – Надеюсь, вам не пришлось долго искать мою

обитель?

– К несчастью, пришлось, – Филиус сразу же воспользовался предложенной услугой. – Сначала мне пришлось полчаса проторчать в автобусе и потом минут двадцать плутать по узким улочкам и заковыристым переулкам.

– Вот поэтому я и отказался от визита к вам, – сказал Просперо извинительно. – Получасовая езда на автобусе на меня очень утомительно действует, и потом, знаете ли, надо ехать обратно. В сумме получается час, мне, как пожилому человеку, этот час в одном и том же салоне кажется целым днём.

– Я понимаю, – медленно произнёс Филиус, – Я моложе, мне легче, поэтому гостем стал я.

– Совершенно верно, молодой человек, – радостно сказал Просперо. – Я очень рад вашему визиту. Моя жена и дочь ушли в гости и оставили меня одного. Я не знаю, когда они придут. Поэтому ваше присутствие для меня очень кстати.

Вспомнив параграф и£ учебника, составленного теологами Всемирного Экуменического Совета Церквей, запрещающей церковным служителем жениться и иметь внебрачных детей, Филиус подумал, что Просперо, ушедший на кухню, чтобы принести оттуда две чашки превосходного чая «Липтон» и вкусный торт, является грешником по всем статьям. «Впрочем, – пронеслось со скоростью молнии в его голове быстротечная мысль, – правила существуют для того, чтобы их обходить.

Весь церковный мир погряз в грехах. Епископы священ-

ники берут с паствы деньги, совершая обряды, поклоняются изображениям, толкуют божье слово и заповеди Христа собственными догмами.

Свои учения они ставят выше божьего слова и, вступая в связь с мирскими религиозными женщинами, имеют от них внебрачных детей. Это такие же миряне, только в отличие от них, имеющие набожный вид и ходящие не по улицам, а по церковным залам. Не волки ли это в овечьих шкурах, стремящиеся увеличивать число своей паствы и заботящиеся о собственном материальном благосостоянии?

Просперо вернулся из кухни с двумя чашками чая и тортом, молча поставил все» это на стол.

Филиусу показалось, что хозяин квартиры не знает о чём говорить и ждёт, когда начнёт говорить гость. Разумеется, следовало начать разговор, потому что молчание не считалось признаком хорошего тона.

– Может быть, вы желаете какао? – спросил Просперо угодливо. – Или может быть кофе?

– Поскольку вы принесли чай, то я выпью чай, – сказал Филиус категорично. – Чай, кофе, какао, какой-нибудь сок – это всё равно жидкость, имеющая разный вкус. Только бесцветная вода не имеет никакого вкуса. Она призвана только для того, чтобы утолить жажду.

В этот момент дверь открылась и в благоустроенную квартиру, обладающую всеми атрибутами современного комфорта, вошли две представительницы падшей половины челове-

ческого рода.

Одна из них была старше другой лет на двадцать, и младшая была гораздо симпатичней старшей. По их внешним данным Филиус сразу догадался, что старшая была гражданской женой Просперо, а младшая – его внебрачной дочерью.

– Ты опять не закрыл дверь! – упрекнула она супруга, не обратив внимания на пришедшего гостя. – Сколько раз я говорила, что дверь надо закрывать! Если однажды нагрянут воры или грабители и войдут через незапертую ключом дверь в нашу квартиру, то нам несдобровать!

– Что ты вскипятилась? – недовольно сказал Просперо. – Разве ты не видишь, что у нас гость?

Когда он пришёл я так обрадовался, что забыл закрыть дверь.

– Ах, у нас гость! – жена перевела взгляд на сидевшего напротив мужа молодого человека. – Какой приятный гость! Как его зовут? Надеюсь, у него такое же приятное имя, как и его внешность.

– Его зовут Филиус, – ответил Просперо. – После окончания колледжа он в звании священника проводит рабочее время в стенах собора святого Иоанна.

– А почему ты ответил за него? – поинтересовалась дочь. – Или он не хочет говорить с нами или у него нет настроения, чтобы говорить вообще?

– Если бы у меня не было настроения, то я бы не пришёл к вам, – равнодушно промолвил Филиус, – А ответил Про-

сперо не за меня, а вместо меня, потому что опередил меня.

– Как бы то ни было, мне очень приятно познакомиться с вами, – любезно сказала жена. – Надеюсь, моя дочь тоже рада вашему визиту.

– Да, – сказала Клаудия, в голосе которой прозвучало немного радости. – Своим приходом вы внесли некоторое разнообразие в наше однообразное существование.

– А почему вы так рано вернулись? – спросил Просперо, обратившись к Фиорентине. – Вы как и не были в гостях.

– Мы на самом деле не были, – огорчённо сказала Клаудия. – Хозяев не оказалось дома и нам пришлось вернуться туда, откуда мы пришли.

– Надо было прежде позвонить и выяснить дома ли они, – поучительно произнёс Просперо. – Если они дома, следует предупредить их, чтобы они никуда не уходили и ждали вас. А сегодня вы потеряли время, и горький опыт должен научить вас беречь его.

– К сожалению, беречь время невозможно, – вмешался Филиус, молча следивший за их оживлённым разговором. – Можно научиться использовать его для собственного удовольствия, но рано или поздно это удовольствие закончится, как и время, отпущенное на определённый срок.

– И какие же удовольствия вы получаете от времени? – спросила с любопытством Клаудия, усаживаясь в кресло. – Я, например, люблю что-нибудь читать, рисовать или вышивать.

– Психологи считают, что лучший отдых состоит в смене видов деятельности, – сказала Фиорентина, сев в другое кресло.

– Невозможно постоянно делать одно и то же, – заметил Просперо, допив чай. – От этого можно сойти с ума.

– Невозможно получить каких-либо удовольствий от времени, если постоянно думать о том, что оно идёт, – серьёзно сказал Филиус, доев торт. – Думать о постоянно проходящем времени, значит думать о приближающемся с каждым днём собственном конце, но не как о смерти, – Филиус в этот момент сделал медленную паузу, посмотрев на всех присутствующих так, как будто не видел их – а как о выходе из собственного тела, словно из тесной темницы, где томящийся, по выражению Соломона, дух днём и ночью мечтает о светлой свободе, не имеющей конца.

– Вам ещё рано думать об этом, – назидательно произнесла Фиорентина. – Вы ещё молодой.

– Молодой, но зрелый, – мимолётно улыбнулась Клаудия. – Откуда у вас такая склонность к философским рассуждениям?

– Наш гость постоянно философствует, потому что обладает философским складом ума, – сказал Просперо. – С ним интересно беседовать, поэтому я пригласил его к нам.

– И правильно сделал, – одобрительно сказала Фиорентина. – Я даже рада, что мы не застали хозяев дома. Ведь если бы мы их застали, то были бы сейчас гостями и не позна-

комились бы с таким уникальным гостем, которого пригласил ты.

– Давайте для разнообразия я налью вам «Кьянти» и принесу бисквит, – предложил Просперо с гостеприимной улыбкой. – Наше удовольствие так быстро кончилось, что мне захотелось его повторить.

– Все труды человека для рта его, а душа его не насыщается, – вспомнил Филиус слова Соломона, глядя на спину удаляющегося на кухню Просперо. – Если бы душа была насыщенной, то никаких трудов бы не понадобилось. Даже пить, и есть в таком случае было бы не надо.

– А что было бы надо? – с улыбкой спросила Клаудия, которую заинтересовало мудрое царское изречение.

– Ни питьём, ни пищей, ни делами душа не насыщается, – промолвил медленно Филиус. – Не насыщается она ни воздухом, ни природой, ни искусством. Поскольку она представляет собой частицы внутреннего света, живущую в тёмном теле, ей необходим внешний свет, струящийся с небес. Когда Дух Святой в виде молнии войдёт в тёмное человеческое тело, душа почувствует его дурманящую теплоту и невесомую лёгкость, сольётся с ним и побудит изменившегося человека петь или танцевать от наполнившей её радости.

– Но ведь молния убивает! – громко сказала Фиорентина. – Если человека поразит удар молнии, он мгновенно умрёт.

– Я не сказал – «молния», – улыбнулся Филиус. – Я

сказал – дух святой в виде молнии. Когда дух святой сошёл на пятьдесят человек, ждавших Его в одной комнате, у них было ощущение, как будто они напились вина и пошли на городские улицы проповедовать Евангелие на незнакомых языках.

– С вами не соскучишься! – весело сказала Клаудия. – Вы такой большой умник, что я слушала бы вас целый день!

– А потом бы устали и сказали, что у вас болит голова!

– А вот и «Кьянти»! – радостно сказал Просперо, принесся из кухни бутылку и нарезанные ломтики бисквита. – Угощайтесь, чем бог послал и пусть это угощение пойдёт вам на пользу.

Откупорив бутылку, он наполнил бокалы искристым вином и поставил блюдо с ломтиками бисквита на стол.

– Говорят, что всё полезно, что в рот полезло, – сказал он довольно, выпив вина и закусив ломтиком бисквита.

– А я говорю, что бесполезно всё, что в него полезло, – сказал пренебрежительно Филиус, подвинув бокал, но, не выпив пока из него. – Может ли быть полезной пища, которая превращаясь в каловую массу, прежде чем выйти через задний проход, лежит в животе, придавая ему удельный вес? И может ли быть полезным питьё, которое превращается в мочу и, выходя через половые органы тонкой струйкой, делает нас хронически зависимыми от туалета?

– Что же делать, если мы так устроены? – Просперо выпил второй бокал «Кьянти» и, закусив ломтиком бисквита,

с удовольствием чмокнул губами. – Зато питьё и пища придают вкус и делают наше существование приятным.

– Сладкая конфета не делает наше существование сладким, – возразил Филиус. – Она временно придаёт ему сладкий вкус и только. Наше существование ни сладкое, ни горькое, а однообразное и монотонное, как катящийся по полу разматывающийся постепенно серый ниточный клубок.

– Вы пессимист! – убеждённо сказала Фиорентина. – От ваших мрачных рассуждений вянут уши и в голове собираются тучи!

– Все оптимисты – дураки, – уверенно произнёс Филиус, выпив «Кьянти» и отведав ломтик бисквита. – Не способные мыслить абстрактно, они думают только о том, что видят, придают значение тому, что делают и, сами того не замечая, впадают в зависимость от окружающих вещей и предметов. Становясь рабами обстановки, в которую они ежедневно попадают, они постоянно засоряют свои мозги знаниями и эгоистичными желаниями и, придавая значение тому и другому, называют себя творцами, хотя на самом деле просто перемещаются в пространстве и во времени и, с точки зрения Бога, являются носителями своих бранных тел с рано или поздно заканчивающимся дыханием в ноздрях.

– Вы очень мрачный человек! – Фиорентина убеждённо взмахнула рукой. – Послушав ваши рассуждения, у меня пропало всякое желание жить!

– Он сказал правду, – обратился к ней Просперо. – Прав-

да не нравится никому и её не принято говорить.

– Почему же он делает то, что не принято? – с интересом спросила Клаудия, которой Филиус, несмотря на его не нравящиеся ей рассуждения, нравился всё больше. – Потому что ему нравится говорить правду или потому что не нравится вести себя так, как принято?

– Я такой, какой я есть и мне неважно, что обо мне говорят или думают другие, – Филиус презрительно улыбнулся. – Сартр говорил, что ад – это не геенна огненная, а другие люди. Эти другие существуют для меня только тогда, когда они попадают в моё поле зрения. Когда мои глаза закрыты, их нет и мне неохота открывать глаза, чтобы их видеть. Но, к сожалению, глаза на рассвете открываются сами, и я с нетерпением жду окончания дня, чтобы их закрыть.

– С такими мыслями нелегко жить, – заметил Просперо. – Вам, наверное, очень одиноко, не так ли?

– Я чувствую космическое одиночество или пустоту, что для меня одно и то же. Космическая пустота бесконечна и эту бесконечность я ношу в себе. Это делает меня бесконечным, но, к сожалению, не вечным. К счастью, моя пустота не заставлена материальным хламом и свободна от товарно-денежных отношений, которым подвержены обитатели земного мира, поэтому моё одиночество лёгкое, и я бы сравнил его с состоянием полёта птицы в неизвестном направлении, причём птицей и небесами я являлся бы одновременно.

– Но, вы же находитесь среди людей, – возразила Клаудия, не сводя с Филиуса восхищённого взгляда. – Вы также едите, пьёте, вступаете в социальные отношения и развлекаетесь для того, чтобы отвлечься от дел, вызывающих усталость и напряжение. Не можете же вы всё время находиться в комнате и, не выходя на улицу, витать в заоблачных высях?

– К сожалению, не могу, – Филиус грустно улыбнулся. – Но поскольку я ненавижу весь мир и всё, что в нём находится, все внешние действия я совершаю автоматически, не думая о них и не придавая им значения. Целый день, начиная с утра, я жду, когда день закончится и, закрывая глаза с мыслью о том, чтобы новый день не начинался. Но он, к несчастью, начинается и, чтобы сбежать от всего, чем он заставлен, я философствую или, по выражению Монтеня, учусь умирать. По его мнению, учиться умирать, значит учиться быть свободным, а учиться жить, значит, учиться философствовать. Я стремлюсь быть просто живым и свободным. Кстати, Иисус тоже говорил о том, что пришёл научить людей быть свободными. Но они не вняли Его призыву. Образовав огромные толпы, они предпочли остаться зависимыми. А я захотел быть свободным и остался одиноким. И такое одиночество, как ни странно для многих, вызывает во мне радость, потому что делает меня существом самостоятельным и самодостаточным.

– Это удел немногих, – Фиорентина выпила вина и съела ломтик бисквита. – В какой-то степени вам можно позави-

довать. У вас, вероятно, есть дар отрешённости?

– У меня есть способность не обращать внимания на то, что видят глаза и слышат уши. Если же я обращаю внимание на что-то, то не придаю этому значения и потом забываю об этом, – Филиус отодвинул пустой бокал и поблагодарил хозяев за гостеприимный приём.

– Вы уже собираетесь уходить? – спросила Клаудия, мысленно пожелав, чтобы Филиус остался.

– Мне кажется, что я засиделся. Мои ноги требуют движения, и им хочется пройтись. Встав из-за стола, он направился в прихожую.

– Вы не подскажете, как избавиться от скуки? – спросила Клаудия, чтобы его задержать. – В последнее время меня стала одолевать скука. Я пытаюсь заглушить её рисованием, вязанием, вышиванием, но она всё равно проявляется и словно чёрная жирная муха, умеющая говорить, твердит о том, что я каждый день делаю одно и то же, и что весь мир, несмотря на всё его разнообразие, выглядит одинаково.

– От скуки, к сожалению, избавиться невозможно, – огорченно сказал Филиус. – Мне самому каждый день бывает скучно. Чтобы не думать об однообразии жизни и одинаковом мире, я создаю в своём воображении цветные картины, на которых изображены море, скалы и лесные пейзажи. Иногда что-нибудь читаю или гуляю по пустынным парковым аллеям. И, конечно, с радостью засыпаю, желая увидеть удивительный сон.

– Сон иногда бывает таким чудесным, что не хочется просыпаться, – разочарованно сказала Фиорентина, выйдя в прихожую. – Я однажды во сне шла по морю и слышала музыку. Хотелось вечно идти в розовую даль и слушать переливающиеся звуки. Утром я очень жалела, что не осталась в этом сне навсегда.

– Да, – со вздохом сказал Филиус. – Возвращаться из цветных снов, во время которых не чувствуешь своего тела и перемещаться в необъятном пространстве со скоростью мысли, в серую реальность не очень, а иногда даже очень неприятно. Мы находимся далеко не в лучшем мире, и жизнь в нём устроена малоприятным, если не худшим образом.

– Жизнь с миром совсем не отождествляется, – сказал Просперо, выйдя в прихожую, – Жизнь – это что-то чистое, лёгкое, прозрачное, светлое, умиротворённое и не имеющее конца. А мир – это грязное, тяжёлое, мутное, брренное и смертное.

– Да, – Филиус снова вздохнул. – Жизнь – это цветок, а мир – это здание. Бог создал жизнь в виде света, воздуха и природы, а люди, превратив плоды своих мыслей и идей в изделия своих рук, создали мир. На Клаудию эта мысль произвела большое впечатление, но ещё большее впечатление на неё произвёл сам Филиус. Она сказала ему об этом, и он перед уходом подумал о том, что она не отказалась бы с ним встретиться. Когда её родители вышли из прихожей, он, желая проверить свою мысль, назначил ей свидание. Она

с радостью сказала, что придёт, и он ушёл с мыслью о том, что скоро в его жизни начнётся новый этап, связанный с познанием падшей половины человеческого рода.

Над улицей Риальто возвышалась старая каменная башня, украшенная старинными деревянными часами. На этой же улице зеленел липовый сад, предназначенный для отдыха и созерцания красоты. Вечером город утонул в сумраке, и только огоньки фонарей, освещавшие дороги, помогали редким пешеходам не сбиться с пути. Машин почти не было, и лишь изредка доносившееся шуршание шин нарушало воцарившуюся в городе тишину.

Придя к старой башне ровно в семь, Филиус осмотрелся по сторонам и через десять минут увидел Клаудию, направлявшуюся к нему. Её каштановые волосы были распущены, симпатичное, с карими глазами и тонкими губами, лицо выглядело немного озабоченным, красивые ноги шли быстрыми шагом. Её стройная фигура была облачена в тёмное платье, придававшее ей немного старомодный вид.

– Извините за опоздание, – сказала она слегка взволнованно, подойдя к Филиусу. – Надеюсь, вы не сожалеете о тех десяти минутах, которые я заставила вас потерять?

– Я ни о чём не сожалею, – сказал он, подумав о том, что она пришла с целью влюбить его в себя. Он чувствовал, что нравится ей и, хотя она нравилась ему тоже, он решил не влюбляться в неё.

Сравнив себя с рыбой, плавающей свободно, он не хотел

попадаться ей на крючок.

– Вам не жаль, что проходит время? – спросила она.

– Вы не думаете, что вы проходите вместе с ним?

– Было время, когда меня не было и будет время, когда меня не будет. Когда меня не было, мне было легче, потому что не быть гораздо легче, чем быть, когда я появился, мне стало нелегко, и я стал называть себя тем, с кем я бы не хотел знакомиться. Когда меня не будет, время останется, но я уйду из мира, и мне снова будет легче, потому что, во-первых, я перестану быть знаком с собой и, во-вторых, вновь окажусь в том времени, когда меня не было.

– Вы говорите путано и туманно, но я, кажется, понимаю, что вы хотите сказать, – медленно сказала Клаудия после небольшой паузы. – На основной вопрос Гамлета «Быть или не быть» вы ответили, что не быть гораздо легче, чем быть. Я правильно поняла вас?

– Правильно, – быстро сказал Филиус. – Только не спрашивайте, что лучше, потому что легче значит не лучше, а удобнее.

– А разве лучше не значит удобнее? – снова спросила она, когда они вошли в сад и медленно пошли по одной из освещенных фонарями пустынных аллей.

– Для кого как, – не сразу ответил Филиус. – Для меня это удобнее, но для большинства лучше означает вкуснее, умнее, сильнее, точнее, пусть труднее, но выше больше и дальше.

– Я всегда думала, что лучше – это спокойнее и проще. Мне кажется, что это сочетается с «удобнее».

– Вам правильно кажется, – Филиус едва заметно улыбнулся. – Днём мне кажется, что я существую, а ночью, когда я сплю, мне так не кажется.

– Интересный у нас с вами разговор, – сказала она, сев на скамейку и предложив ему сделать то же самое. – Мы говорим о том, о чём не говорят другие.

– А разве для вас имеет значение то, о чём говорят другие? – спросил Филиус с пренебрежением. – Для меня имеет значение только то, что говорю я, но я знаю, что то, что говорю я, не имеет никакого значения ни для времени, ни для пространства.

– Вы глубокий пессимист, но мне с вами так интересно, как ни с кем другим, – сказала Клаудия с восхищением. – Я в первый раз вижу субъекта, для которого мнения других ничего не значат.

– Если я сам ничего не значу, что для меня могут значить другие? – презрительно спросил Филиус. – Другие вообще для меня не существуют. Они появляются в моём поле зрения только тогда, когда мои глаза открыты. Когда они закрыты, других нет, и я не хочу открывать глаза, чтобы видеть их.

– А я для вас существую? – нерешительно спросила Клаудия после небольшой паузы. – Я для вас что-то значу? Или я тоже другая?

– Вы? – Филиус взглянул на неё так, что ей показалось,

что его взгляд вывернул её наизнанку, – вы для меня значите то же, что и я для вас.

Они немного помолчали, свет фонаря падал на их лица. Их чувства говорили за них и слова были не нужны. Их губы соединились в медленном поцелуе, и всё потонуло в тёплом тумане упоительного забытья.

Несмотря на этот поцелуй и последующее объятие, после чего последовали лёгкий ужин в небольшом кафе и договорённость о новой встрече в том же месте, Филиус не влюбился в Клаудию, однако в его жизни, как в спокойной реке, появился приток, который начал привлекать к себе внимание. Начав встречаться с Клаудией для разнообразия, Филиус вскоре понял, что её желание влюбить его в себя усилилось. Каждая новая встреча затягивалась, поцелуи становились более затяжными, объятия продолжительными, и однажды Клаудия призналась ему в любви. В ответ он сказал, что она ему нравится и что из неё может выйти хорошая жена, но добавил, что жениться не намерен, так как ни в каком случае не желает терять собственной свободы. С некоторым удивлением Клаудия узнала, что семья, с его точки зрения, это обуза и что одиночество гораздо лучше ежедневного мелькания друг перед другом. Тогда она сказала, что готова идти за ним на край света и в ответ услышала, что постель гораздо ближе и что в ней теплей и приятней особенно вдвоём, догадавшись о его желании сделать её своей любовницей, она после очередной встречи, происшедшей че-

рез два месяца, не сказала ему «до свидания», а согласилась провести с ним ночь. Эта ночь, прошедшая в его доме, оказалась для неё замечательной, и утром она сказала, что может, если он хочет, остаться у него на правах гражданской жены. Однако он сказал, что нечастые ночные встречи лучше еженочных постельных отношений, поскольку такие отношения быстро приедаются, а ежедневное видение одного и того же лица надоедает. Тогда она сказала, что её родители живут в гражданском браке много лет и, хотя устают от однообразной бытовой рутины и даже иногда скандалят и ссорятся, но в целом остаются довольны друг другом и считают совместное проживание без оформления официальных отношений неплохим делом. Она посоветовала ему последовать их примеру, но, к её удивлению, с его стороны прозвучали слова совсем не на эту тему.

Он спросил о том, как она, будучи внебрачной дочерью, оказалась официально зарегистрированной гражданкой Ватикана? Она так растерялась, что даже не поняла, что он имеет в виду, и он объяснил, что без регистрации брака её родителей ей не могли выдать свидетельства о рождении и прописать в Ватикане. Она огорчённо вздохнула, так как не хотела признаваться в том, что её отец после её рождения дал определённую сумму денег заведующему ЗАГСа, и тот написал ему это свидетельство и прописал её в Ватикане. Однако после того как Филиус повторил свой вопрос, ей пришлось признаться в нехорошем, но вынужденном поступке своего

отца. Услышав её ответ, Филиус уверенно заявил, что, если у неё в результате любовной связи с ним родится ребёнок, он никуда не пойдёт и никому никаких денег не даст. Тогда она сказала, что сделает это сама или заплатит деньги врачу за аборт, а до рождения мальчика или девочки будет его любовницей. Он с улыбкой согласился и, сказав, что дети ему не нужны, предложил ей применять противозачаточные таблетки. Немного подумав, она в свою очередь тоже согласилась, так как побоялась, что после появления ребёнка Филиус её бросит. Перспектива стать матерью-одиночкой её никак не устраивала. Но у неё снова вырвался огорчённый вздох, поскольку она хотела стать гражданской или официальной женой Филиуса и желала от него детей.

– Ты напрасно расстраиваешься, – уверено заявил Филиус, словно прочитав её мысли. – Быть бездетной любовницей гораздо лучше, чем быть женой и матерью. У жены и матери есть ответственность и обязанности. У любовницы нет ни того, ни другого. Свободные отношения между мужчиной и женщиной на основе любви или взаимной симпатии – это лучшее из того, что может быть. Любовь в своём проявлении свободна, а институт брака и семейные процедуры, помещая её в определённые рамки, словно в клетку, лишают её основного свойства.

Против этого аргумента Клаудия не могла ничего возразить и, сравнив любовь с творчеством, которое в своём проявлении тоже свободно, подумала о том, что Филиус всегда

прав.

IX

– Где ты была? – спросила с волнением Фиорентина, когда Клаудия на следующее утро пришла домой. – Мы с Просперо почти всю ночь не могли заснуть.

– Где бы ты ни была, ты могла позвонить и сообщить, где ты находишься, – строгим тоном произнёс Просперо. – Или наши переживания для тебя не имеют значения?

– Где я была, там меня уже нет, но это не значит, что я там не буду, – загадочно сказала Клаудия, войдя в комнату и сев в кресло. На её губах появилась мечтательная улыбка, так как она вспомнила интимные подробности замечательной ночи, проведённой с Филиусом.

– Ты не ответила на вопрос, – сказала Фиорентина.

– Перестань говорить загадками, – потребовал Просперо.

– Что вы от меня хотите? – Клаудия с отрешённым видом посмотрела сначала на взволнованную мать, потом на строгого отца. – Я устала и хочу спать. Я тоже почти всю ночь не сомкнула глаз, но в отличие от вас я не переживала.

– Не переживала? – переспросила удивлённо Фиорентина.

– А что же ты делала? – спросила возбуждённо Просперо.

– Наслаждалась, – сказала Клаудия и на несколько мгновений закрыла глаза.

– Наслаждалась, – до Фиорентины не дошёл смысл этого слова. – Как наслаждалась?

– У меня есть право на личную жизнь и личные секреты? –

недовольно спросила Клаудия. —

Или я должна отчитываться перед вами в том, где я была и что я делала?

— Разумеется, она наслаждала не одна, — сказал Просперо Фиорентине. — С кем ты наслаждалась?

— Какая вам разница с кем? — Клаудия встала с кресла и направилась в свою комнату. — Вы должны быть довольны тем, что я наслаждалась, а не переживала. Мне было так хорошо, что я забыла обо всём, в том числе и о вас. А теперь мои глаза смыкаются и хотят увидеть это наслаждение во сне.

— А я знаю, с кем ты наслаждалась, — догадалась Фиорентина, когда Клаудия открыла дверь своей комнаты. — Ты наслаждалась с Филиусом, не так ли?

— Так, — не сразу ответила Клаудия, отрешённо взглянув на мать. — Он мне доставил такое наслаждение, что я забыла позвонить вам, чтобы сообщить о своём местонахождении.

— Ты стала его любовницей, — сказал Просперо полувопросительно.

— Это вопрос или утверждение? — спросила Клаудия, равнодушно взглянув на отца. — Если это утверждение, то мне нечего к нему добавить, если это вопрос, то моим ответом будет молчание.

— Конечно, стала, — убеждённо сказала Фиорентина. — Я же тоже стала твоей любовницей в своё время, — обратилась она к Просперо. — Замечательное было время. Как жаль, что оно прошло!

– Ты можешь гордиться тем, что твоя дочь пошла по твоим стопам, – сказала Клаудия матери и, войдя в свою комнату, закрыла дверь.

Неисповедимы только пути Господни, пути разных людей, в том числе родителей и детей часто оказываются одинаковыми, несмотря на то, что их профессии оказываются различными. В отличие от Фиорентины, работавшей товароведом в антикварном магазине, Клаудия была директором городского клуба по организации труда и отдыха горожан. Хорошо разбираясь в бытовых и социальных проблемах, она организовала как труд, так и отдых приходящих в её клуб таким образом, что, учитывая интересы каждого, предлагала вид деятельности, соответствующий его способностям. В её клубе собирались филателисты, рыболовы, шахматисты, и она, разделив их на группы, в определённые дни недели узнавала о состоянии дел каждой из них. Она организовала шахматные турниры, устраивала встречи любителей марок для обмена ими, заказывала специальный рейсовый автобус для любителей рыбной ловли, ездивших на Тибр. Составляя таблицы посещаемости клуба, она собирала членские взносы и была довольна своим ненормированным рабочим днём.

Став любовницей Филиуса, Клаудия не изменила своего образа жизни. Круг её увлечений, в который не входили покупка модной одежды и красивых вещей, остался прежним. Она как прежде с удовольствием кормила меченосцев

и гупёшек в своём аквариуме, с интересом собирала марки и по вечерам с любовью листала страницы альбома, украшенного маленькими цветными открытками с изображениями цветов, животных и живописных диковинных мест. Её взгляд по-прежнему радовали книги, расположенные по цветам и стоявшие рядами на трёх больших полках. Не прошла и её любовь к путешествиям, во время которых она раз в полгода совершала морской круиз по западным странам или отправлялась в турне на экспрессе по странам восточной Европы. Её высокая зарплата позволяла ей иметь всё, что она хотела. Для полного счастья ей не хватало мужа и детей, но она не очень-то хотела обременять себя скучными и однообразными семейными обязанностями. Поэтому, когда в её жизни появился Филиус, Клаудия, хотя и поставила цель влюбиться в себя, но не спешила стать его женой и обрадовалась, когда он предложил ей сохранять свободные отношения, основанные на чувстве взаимного притяжения друг к другу.

Клаудия с удовольствием проводила время с Филиусом. По вечерам она то приходила к нему домой и оставалась на ночь, предварительно позвонив родителям, чтобы они не переживали из-за её временного отсутствия, то отправлялись с ним на вечернюю прогулку в липовый парк, где медленно прохаживаясь по тёмным пустынным аллеям, освещенным огоньками фонарей, слушала шелест травы и шорох опавших листьев. Слова в это время были не нужны, ей казалось, что в эти мгновения безмолвно пел тихий ветер.

Его чудесное пение звучало в ней как музыка, поднимало её над землёй и уносило в неведомые выси. И ей не хотелось спускаться на землю, где рядом с ней шёл Филиус, шелестела трава и шуршали листья. Иногда она отправлялась с ним в небольшое кафе, где с удовольствием, словно девочка, лакомилась мороженым и пила из соломинки коктейль. В это время она ни о чём не думала и только ощущала во рту сладостный вкус. Этот вкус был таким замечательным, что она хотела ощущать его всегда. Когда ей овладевали мысли о Боге, она отправлялась с ним в соборы и церкви, где с восторгом созерцала изображения ангелов и херувимов, освещенных многочисленными огоньками восковых свечей. Во время посещений античных музеев и храмов, являющихся историческими памятниками старины, она словно попала в другой мир и казалась себе то белым ангелом, то тёмным демоном, летящим со скоростью мысли то по светлomu, то по чёрному небу. В храме святой Марии, смотря на чадающую лампаду и висящую над ней знаменитую картину Рафаэля, запечатлевшего Мадонну с младенцем, ей особенно хотелось быть ближе к Богу, но понимая, что это возможно лишь тем, кого избрал сам Бог ещё до сотворения мира, едва заметно огорчённо вздыхала, поскольку не считала себя таковой.

Конечно, Клаудии очень нравился как сам Филиус, так и его речи. Когда он говорил, она слушала его молча. Ей так нравились его метафорические парадоксы, образные срав-

нения, неожиданные, словно уколы, остроты, что она даже немного жалела, когда он умолкал. За то, что он однажды сравнил толпу митингующих демонстрантов с огромной стаей протестующей саранчи, она назвала его нелюдем, но он не обиделся, сказав, что нелюдь подобен либо кроту в норе, либо медведю в берлоге, и что для него этой норой или берлогой стал собор святого Иоанна, в котором он, в звании священника, спокойно проводит своё рабочее время.

И, конечно, занятия любовью с Филиусом доставляли ей особое удовольствие. Этим занятиям она посвящала ночное время. Когда царившую в его доме тишину нарушало лишь тихое тиканье настенных часов. Долгие поцелуи и нежные объятия, сопровождающиеся то ласковыми прикосновениями, то неожиданными перевертышами, погружали её в тёплый мир упоительной забывчивости. В этой забывчивости она тонула, словно в пелене дурманящего тумана и выходила из себя, как отделившаяся от тела душа. В такой забывчивости она хотела быть вечно и очень жалела, когда это удивительное состояние уступало место здравому рассудку и твёрдой памяти. Когда кончалась ночь, и наступало утро, она с сожалением говорила об этом Филиусу, а он с улыбкой говорил о том, что не стоит жалеть ни о чём и, называя всё происходящее сном, подчёркивал, что однажды придётся проснуться.

– Как протекает твоя личная жизнь? – спросила в воскресенье Фиорентина у своей дочери, сидящей в кресле с за-

крытыми глазами. Клаудия не ответила. Её глаза продолжали оставаться закрытыми. Фиорентине показалось, что она не хочет разговаривать на эту тему и захотела задать вопрос, связанный с её настроением, но внезапно раздавшийся голос Просперо помешал этому вопросу вырваться с её уст.

– Ты разве не видишь, что у нашей дочери закрыты глаза? – обратился к ней Просперо. – Она занимается медитацией, а ты вторгаешься в это полезное занятие и мешаешь ей.

– Ты удивительно догадлив, папочка, – подала голос Клаудия, открыв глаза. – Твоя проницательность достойна восхищения.

– Почему ты считаешь медитацию полезным занятием? – обратилась Фиорентина к своему до сих пор гражданскому супругу. – По-моему, это бесполезная трата времени.

– Очень даже полезная, мамочка, – симпатичное лицо Клаудии приняло недовольное выражение. – Своим вопросом ты прекратила мой полёт по безоблачному небу. Я была чайкой, летящей над морем, а ты опустила меня на землю.

– Прошу прощения, – театрально произнесла Фиорентина. – Я не знала, что ты можешь быть чайкой.

– Во время медитации возможно всё, – уверенно заявил Просперо. – Занимающийся ей погружается в транс и отождествляет себя с тем, с кем хочет себя отождествить. Поэтому это занятие считается полезным.

– Не всё, что принято считать полезным, полезно, – возразила Фиорентина. – Для кого-то это может быть вредно.

И с каких же пор ты стала погружаться в транс? – обратилась она к дочери.

– Почему это тебя интересует? – спросила Клаудия. – Ты тоже хочешь заняться незаземлённым делом? Или ты хочешь узнать, кто меня этому научил?

– Это действительно незаземлённое дело, – подтвердил Просперо, увлекавшийся, в свободное от службы в храме время, изучением аномальных явлений. – Например, одетый в бумажные ткани, тибетский отшельник Миларепа, живший в XI веке в горной пещере и питавшийся одним лишь отваром из крапивы, целиком посвятил себя медитации и достиг совершенства, к которому призывал наш Господь и спаситель Иисус Христос.

– Даже? – удивлённо спросила Клаудия, устремив взгляд на отца. – Из какого источника ты об этом узнал?

– В каком бы источнике ни была эта информация, я в неё не верю, – убеждённо произнесла Фиорентина. – Совершенство недостижимо и поэтому Дали, в отличие от Христа, призывал его не бояться.

– Афоризм этого гениального художника ироничен, – сказала Клаудия. – А где ты прочитал об этом отшельнике, папочка?

– В энциклопедии аномальных явлений, доченька, – на губах Просперо появилась ироничная улыбка, потому что ему понравился афоризм Дали.

– И что же там про него написано? – пренебрежительно

спросила Фиорентина. – Что он по утрам превращался в петуха и кукарекал, приветствуя зарю?

– Может быть, и превращался, – серьёзно заявил Просперо и улыбка исчезла с его губ. – Там не написано, в какую именно птицу он превращался, но написано, что, кроме птицы, он превращался также в пламя или ручей. Погружая себя в транс, он размышлял о понравившемся предмете так долго, что полностью уподоблялся ему.

– Как интересно! – притворно воскликнула Фиорентина. – Может быть, там ещё написано, что он отделял свою душу от тела и путешествовал по иным мирам?

– Представь себе, написано, – уверенно заявил Просперо. – Там написано, что в годы отшельничества он, перенося суровые зимние холода, выработал внутреннее тепло и научился изменять температуру своего тела. Кроме того, он приобрёл исключительную физическую силу и перемещался в пространстве с невероятной недоступной для человека скоростью. Во время такого перемещения, подобно мячику, отскакивал от земли.

– Написать можно всё, что угодно, – возразила Фиорентина уже без притворства. – Я не верю в это.

– А мне представляется это возможным, – заявила Клаудия. – И это действительно интересно. Что там ещё про него написано?

– Очень мало, с некоторым сожалением сказал Просперо. – Хотелось бы больше.

– И всё ж что? – снова спросила Клаудия, сожалея, что вопрос мамы прервал её полёт над голубым морем. – Что это мало собой представляет?

– Неужели это тебя так интересует? – Обратилась к ней Фиорентина. – Мне, например, совершенно всё равно, что случилось с этим аскетическим святошей. Впрочем, я совершенно уверена в том, что бессмертным он не стал и как все закончил свой жизненный путь в могиле.

– К сожалению, это так, – сообщил Просперо. – Однако прожил он целых 84 года. И в день его кремации, из одного края горизонта в другой, охватывая весь горизонт, пролетали кометы и прямо с неба сыпались цветы. Об этом свидетельствуют очевидцы.

– А больше они ни о чём не свидетельствуют? Если нет, то слава Богу, если да, то я больше не хочу разговаривать об этом, как ты его назвал? – спросила Фиорентина Просперо.

– Миларепа, мамочка, – напомнила Клаудиа.

– Да, Миларепа, – кивнула Фиорентина. – Кто, кстати, тебя научил этому погружению в транс? Уж не Филиус ли?

– Да, мамочка, Филиус. Ты собираешься его за это упрекнуть?

– Ну, знаешь ли! – воскликнула обиженно Фиорентина и не в силах что-либо сказать вышла из комнаты с нахмуренным лицом. Когда дверь другой комнаты за ней закрылась, Просперо с укором посмотрел на Клаудию.

– Нехорошо называть маму мамочкой, а меня папочкой, – назидательно произнёс он. – Это свидетельствует о твоей бестактности и распущенности.

– Неужели я так невежлива и небрежна? – иронично спросила Клаудия. – Я даже и не представляла, что я могу быть такой.

– Такой ты стала, когда у тебя появился Филиус. Это его влияние, не так ли?

– Наверное, так, – в голосе Клаудии прозвучала нота равнодушия. – Но если даже и так, то что это меняет? Я уже не стану такой, какой была. К тому же, мне нравится быть такой, какая я есть.

– Ты стала высокомерной и дерзкой, – сказал Просперо строгим тоном. – Пренебрежительная манера Филиуса передалась тебе или ты переняла её сама?

– Что поделать? – Клаудия вздохнула. – Люди влияют друг на друга, не так ли?

– Влияют, – согласился Просперо. – Но разве ты не заметила, что Филиус влияет на тебя отрицательно?

– Мне нравится всё, что он говорит и делает. Говорит он образно и точно, делает мало, но безупречно, и меня не волнует как – положительно или отрицательно – это называется.

– Филиус – безнравственный тип! – уверенно произнёс Просперо. – Он – холодный философ, с презрением относящийся ко всему миру. Для него не существует авторитетов и других мнений, кроме его собственного. Он словно

пуп земли, вокруг него вращается центр мироздания и земная ось.

Несмотря на то, что он мыслит глобально, его пространственные рассуждения злы и опасны. Мне кажется, что если бы у него была большая власть, то он бы уничтожил больше половины жителей земного шара. Его надменность переходит всякие границы. Я даже допускаю, что в нём есть что-то дьявольское.

Только дьявол может обладать таким демоническим презрением ко всему, и Филиус обладает именно таким презрением. Он, – Просперо хотел сказать что-то ещё, но заметил, что кресло, в котором сидела Клаудия, опустело, и он остался в комнате один.

В один из осенних вечеров, когда Клаудия с Филиусом гуляли по пустынным аллеям липового парка, в памяти молодой девушки завертелись слова её отца о том, что в её неординарном любовнике есть что-то сатанинское. Не веря им, она хотела их забыть, но они продолжали упорно вертеться, и, жужжа, словно жирные назойливые мухи, причиняли большое неудобство. Тогда она решила избавиться от них с помощью разговора, понадеявшись, что Филиус заглушит их словами о своём прошлом.

– Ты ничего не рассказывал мне о своём прошлом, – начала Клаудия издалека. – Или у тебя его не было?

– Что ты имеешь в виду? – спросила равнодушно Филиус. – Если детство, то оно у меня было, но ты никогда не спрашивала о нём.

– Я спрашиваю сейчас, – Клаудия села на скамью и он сел рядом с ней. – В твоём детстве не было ничего необычного?

– Оно прошло в детском доме, где я рос в тихой и спокойной атмосфере. Никаких из ряда вон выходящих случаев в моём детском возрасте не произошло.

– А твои родители, – с любопытством спросила Калудня. – Кто они? Почему они отдали тебя в детский дом?

– Я их ни разу не видел, и поэтому не знаю, кто они. И я не знаю, почему они отдали меня в детский дом.

– Неужели они к тебе ни разу не приходили? – удивилась

Клаудия. – Ни мать, ни отец?

– Ни разу, – равнодушие из голоса Филиуса не исчезло.

– И что ты по этому поводу думаешь?

– Ничего, – он покачал головой. – А что я, по-твоему, должен об этом думать?

– Если бы я была на твоём месте, – представила Клаудия, – то бы я думала, что мои родители отдали меня в детский дом, чтобы избавиться от меня.

– А что бы ты думала по поводу их нежелания приходить ко мне хоть раз в год? – спросил равнодушно Филиус.

– Может быть, с ними что-то случилось? – предположила Клаудия. – Может быть, мать твоя умерла во время родов и не смогла тебя увидеть, а отец, не желая тебя воспитывать один и, пожелав избавиться от тебя как от ноши, отнёс тебя в детский дом.

– Допустить можно всё, что угодно, – глухо сказал Филиус – Что бы ни случилось, если они живы и если жив хотя бы кто-то из них и не желает меня видеть, то я не хочу думать ни об одном из них.

Воцарилась продолжительная пауза. Их лица приятно обвевал ветерок, над ними светлыми горошинами светили звёзды, и недозрелой тыквой желтела луна. Над их головами шептались листья.

Под ними шелестела колыхавшаяся на ветру трава. Казалось, что она что-то говорила ветру и, ветер, подхватывая её

лепет, разносил его по всему пространству.

– Ну, хорошо, – сказала, наконец, Клаудия, поняв, что Филиус не желает больше говорить о своих незнакомых ему родителях. – Не хочешь говорить о своих неблагодарных предках, расскажи о своей жизни в детском доме? У тебя там были друзья?

– Почему ты вдруг заинтересовалась моим детством? – спросил с недоумением Филиус. – Зачем вспоминать о том, что никогда не вернётся?

– Многие считают, что, когда они будут умирать, будет, что вспомнить, – сказала Клаудия с нотой недоверия. – По моему, это далеко не так. На смертном одре или во время болезни будет не до воспоминаний. Поэтому вспоминать надо при жизни в то время, когда болезнь не пристала, как баный лист. И вспоминать надо хорошие моменты, а плохие следует забыть. Твоя жизнь в детском доме протекала хорошо, не так ли?

– Превосходно! – сказала Филиус с досадой, так как не имел желания вспоминать о том, что прошло. – В детском доме было так замечательно, что без тишины и покоя приходилось скучать. Впрочем, и сейчас веселиться не приходится.

– Были ли у тебя там друзья? – с любопытством спросила она. – Может быть, у тебя там была подруга?

– Ни друзей, ни подруги, кроме друга в виде директора дома, который годился мне в отцы, у меня не было.

– Вот как? – удивилась она. – Твой начальник стал твоим другом?

– Он сам меня выбрал в друзья. Выделив меня среди других, он превратил свой кабинет в место для бесед со мной. Раз в неделю он в этом кабинете беседовал со мной на темы нравственности и морали, не оставляя в стороне философию и религию. Однажды он пригласил меня к себе домой, где показал письмо от Джакомо и Джулии.

– Это кто такие?

– Пожилые бездетные супруги, которым директор детского дома посоветовал меня усыновить.

– Таким образом, ты оказался в Ватикане?

– Другого образа не было, – ответил Филиус и его голос прозвучал, словно далёкое эхо. – Поняв, что я хочу продолжать оставаться в тишине и покое, я решил, что храм или церковь, где я буду после получения религиозного образования, проводить большую часть дня в сане священника или епископа, надёжно защитит меня от мирского шума и беспокойной суеты.

– Что и говорить, с твоими феноменальными способностями ты можешь далеко пойти, – уверенно произнесла Клаудия, сев на скамью. – Мой папа говорит, что в тебе есть что-то от дьявола, но я не верю в это. В тебе же нет ничего от дьявола, не правда ли?

В течение нескольких минут Филиус встал перед ней словно столб, не двигаясь и смотря ей в глаза. Он молчал

и от этого молчания, которое почему-то показалось ей зло-
вещим, ей стало неудобно.

– Почему ты молчишь? – спросила она взволнованно.

Филиус по-прежнему сохранял молчание. Он не знал, сто-
ит ли ей выдавать свою тайну и ждал, когда внутренний го-
лос подскажет ему правильное решение. Однако внутренний
голос молчал.

– Почему ты молчишь? – повторила она тревожно.

– Я не знаю, стоит ли тебе говорить о том, кто я, – нако-
нец, сказал он. – Стоит или нет. – Скажи, – наконец шепнул
внутренний голос. Однако Филиус не решался послушаться
этого совета.

– Кто ты? – Клаудии с удивлённым видом поднялась
со скамьи. – Я разве не знаю, кто ты?

– Скажи, – снова прошептал внутренний голос.

– Не знаешь, – Филиус покачал головой. – К сожалению, а,
может быть, к счастью, слова твоего отца оказались недалеко
от истины. Я – антихрист.

– Что? – Клаудии показалось, что она ослышалась. – Что
ты сказал?

– То, что ты слышала. Я враг Иисуса Христа и в будущем
меня ждёт тиара римского папы и мировая слава.

– Не может быть! – воскликнула Клаудия, вздрогнув. –
Этого не может быть!

– Может, – кивнул Филиус. – И почему ты не веришь?
Если бы антихристом не был я, им бы всё равно был кем-

нибудь другой. Ты просто была бы незнакома с ним.

Филиус говорил так спокойно, холодно и даже презрительно, что ей показалось, что в нём в самом деле живёт дух дьявола и управляет им. Но поверить в это она не могла.

– Это невозможно! – вновь воскликнула протестующе Клаудия. – Для того, чтобы быть тем, о ком ты сказал, нужно иметь доказательства в виде опознавательного знака. Антихрист должен иметь три шестёрки.

– У меня они есть, – невозмутимо заявил Филиус. – Однако показывать их тебе я не буду.

– У тебя есть эти шестёрки? – Клаудия задрожала как осенний лист. – Целых три?

– Две на ладонях, одна на голове под волосами, – Филиус сказал об этом так пренебрежительно, как будто речь шла не о нём, а о ком-нибудь другом. – Но тебе я их не покажу, потому что те, кому я их показывал до тебя, умирали через несколько минут на моих глазах. Я не хочу, чтобы тебя постигла та же участь.

– Кому ты их показывал? – со страхом спросила она.

– Сначала я их показал своему старшему другу, провожавшему меня в аэропорт. Фред Симпсон умер через десять минут после того, как их увидел. Потом я показал их Джулии и Джакомо. Мои приёмные родители тоже скончались и после того, как имели неосторожность их увидеть. По-видимому, в этих шестёрках заключена магическая сила, способная убивать, – предположил равнодушно Филиус. – По-

этому я тебе их не покажу. Ты мне нравишься, и я не хочу тебя терять.

– Хорошо, – вздохнула Калу дня, немного помолчав. Ей понадобилось несколько минут, чтобы переварить очень неприятную услышанную информацию. – Мои родители не узнают твоей тайны, потому что я им об этом не скажу.

– Будешь молчать как рыба в воде, – улыбнулся Филиус надменно. – Или закроешь свой рот на замок и спрячешь ключ там, где его никто не найдёт.

– Почему ты показал эти шестёрки директору детского дома и своим приёмным родителям? – спросила, немного волнуясь, Клаудия. – Ты хотел, чтобы они отправились на тот свет?

– Не совсем так, – Филиус взял её под руку, и они направились к выходу из парка. – У меня не было никакого желания отправлять их туда. Я хотел узнать, есть ли у этих шестёрок особая магическая сила. После смерти Фреда Симпсона выяснилось, что она есть.

– Тогда зачем ты, уже зная об этом, показал их Джулии и Джакомо?

– Их присутствие мне мешало и даже раздражало. Кроме того, когда они сказали, что оставили мне в наследство пятьсот тысяч лир и собственный дом, мне немедленно захотелось завладеть тем и другим.

– А я и не знала, что ты – волк в овечьей шкуре! – самокритично произнесла Клаудия. – Если бы знала, то не ста-

ла бы ни знакомиться с тобой, ни, тем более, встречаться на правах любовницы!

– Стала бы, – уверенно произнёс Филиус, – Я тебе понравился с первого взгляда также как и ты мне. У нас возникло притяжение друг к другу и это сильнее всего. Никакое знание друг о друге не может на это притяжение повлиять. И, тем более, разорвать его оно не способно. Теперь ты знаешь об этом, и тебе нравится идти со мной рядом, не так ли?

– Нравится, – вздохнув, призналась Клаудия. – Мне нравишься ты, и я не хочу с тобой расставаться.

– Это самое главное, – убеждённо заявил Филиус. – И знание о том, кто я, о котором ты только что имела неосторожность услышать, не имеет никакого значения и не играет никакой роли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.